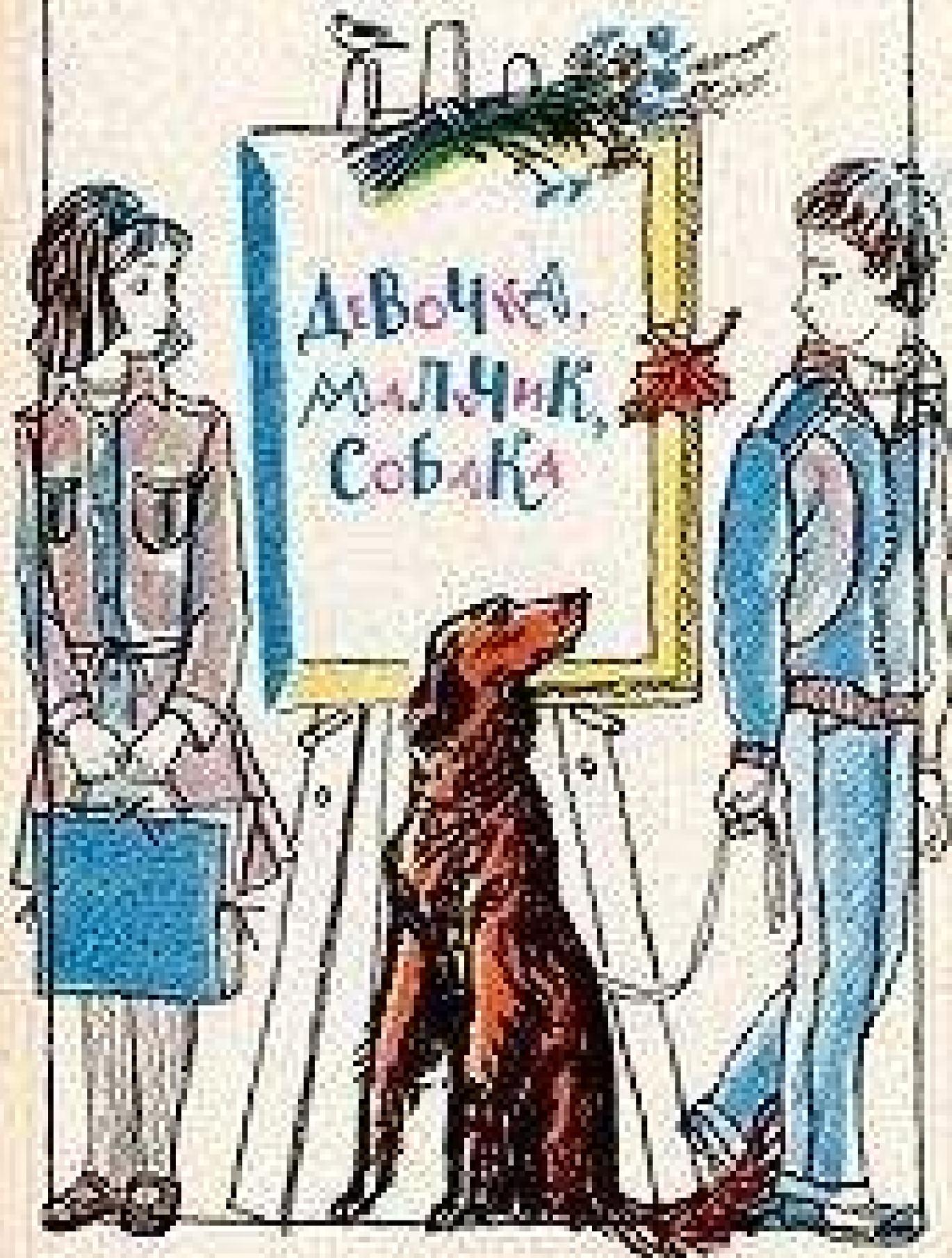

ВАЛЕРИЙ ВОСКОВОЙНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Валерий Михайлович Воскобойников

Девочка, мальчик, собака

Замечательный рыжий сеттер

Наверно, это была самая умная и самая красивая собака в городе. Она водила по улице пожилого слепого человека. У человека на пиджаке были ордена, и Оля каждый раз, когда встречала его, думала, что слепым он стал, конечно, во время боя.

Человек и собака ходили по улице не торопясь. Собака чуть впереди — рыжий ирландский сеттер, шерсть его отливала темным золотым блеском. На спине у собаки были специальные ремни, и на правом — красный крест, чтобы все знали, что собака эта не простая, а вожатый, поводырь слепого.

У человека было крупное доброе лицо, он шел рядом с собакой, иногда что-то тихо ей приговаривая.

Собака подводила своего хозяина к булочной и спокойно сидела у крыльца, пока хозяин покупал батон и круглый хлеб. Потом она вела к другому магазину, где продавались крупы и колбаса, потом к газетному киоску. Там они переходили улицу. Если ехала машина, собака садилась — пережидала.

Однажды, когда поперек их улицы рабочие вырыли траншею, Оля увидела, как собака села у этой траншеи и не двинулась с места. Слепой человек что-то сказал ей тихо, погладил за ухом, и собака повела его в обход к деревянным мосткам.

Дальше они шли к школе на углу улиц Пархоменко и Орбели, там отдыхали у высокого клена.

Из школы появлялась девочка — первоклассница. Вскидывая ранец за спину, она подбегала к ним, целовала собаку в нос, брала слепого человека за руку, и назад они шли втроем.

Однажды Оля вышла из дома и увидела, что слепой мужчина идет по улице один, без собаки, неуверенно щупая впереди себя асфальт палкой.

«А собака заболела», — подумала Оля.

Собаки не было на другой день и на третий.

И слепой человек тоже стал появляться на улице все реже.

Несчастье

У Оли была двоюродная сестра — Катя. Они родились в один год, в один месяц и даже в один день. И праздновали день рождения по очереди, то у Оли, то у Кати.

Оля любила Катин дом. Он стоял на Владимирском проспекте рядом с театром. На театре всегда висели афиши, вечером их любили разглядывать люди. Оля — тоже любила. Катини окна были под самой крышей. Чтобы их увидеть, надо было перейти на другую сторону проспекта и задрать голову. И тогда поймешь, какой это интересный дом.

Оля перебежала на другую сторону, а Катя открыла большое окно, замахала рукой и закричала через проспект:

— Оля! Не туда! Сюда! Сюда!

Была весна, тепло, всюду мыли окна и ходили уже без пальто. И крикнуть собственной двоюродной сестре, что она пошла в булочную не в ту сторону — одно удовольствие.

Оля приехала в гости к Кате. Тут неожиданно обнаружилось, что в доме кончился песок, и Оля вызвалась за ним сбегать. Ей стали объяснять, где булочная, но она и сама знала, что булочная почти на углу Владимирской площади. А на другую сторону перешла просто так, чтобы полюбоваться на фонари.

И тут с ней случилось несчастье.

Подбежали трое и сразу:

— Девочка, девочка, иди сюда быстрее! Иди быстрее сюда!

Еще понятно, когда к тебе пристают мальчишки, а то ведь девчонки — такие же, как она, из четвертого или пятого класса!

— Зачем? — спросила растерянно Оля и все-таки пошла за ними в парадную.

— Сейчас, сейчас, — сказала одна из троих, самая высокая.

Они прошли через первые двери, около вторых — больших, с матовым стеклом, Оля было приостановилась, но тут ее подтолкнули вовнутрь, к лестнице.

— Сейчас, сейчас увидишь, — хихикнула самая толстая.

И за Олей мгновенно захлопнулась дверь со стеклом. Тут же девчонки задвинули засов. Оля очутилась одна на полутемной лестнице.

«Подумаешь, — решила она, — поднимусь по лестнице, открою третью дверь и выйду через черный ход. А если нет черного хода, кто-нибудь из жильцов пойдет и откроет засов.

Оля так и сделала: поднялась, дернула третью дверь, но та не поддавалась. Она дернула сильнее — дверь была заперта.

А внизу за матовым стеклом три девчонки, кривляясь, запели противными голосами:

— Обманули дуру, длинную фигуру! Обманули дуру, длинную фигуру!

Оля бросилась было вниз, задержала изо всех сил дверь со стеклом, закричала громко:

— Откройте! Откройте, слышите! Открывайте быстро!

Но девчонки в ответ запрыгали еще радостней.

И тут Оля вспомнила, как смотрела на этот дом из Катиного окна, и еще удивлялась, что в доме выбито несколько стекол. А Катя объяснила:

— Он на капитальном ремонте, там никто не живет.

Только теперь Оля поняла, что она в полной власти этих девчонок. Захотят — откроют и выпустят, а захотят — уйдут и оставят неизвестно на сколько времени.

Девчонки ушли.

А Оля осталась одна на пустой лестнице из четырнадцати ступенек, запертая между двумя дверями.

Она еще надеялась, что девчонки вернуться и потребуют что-нибудь, какой-нибудь выкуп например, строила планы, как она обманет их: пообещает выкуп, выскользнет в двери и бегом через проспект. Но девчонки и за выкупом не возвращались.

Сначала Оля просто стояла у стены и плакала от бессильной злости и унижения. Несколько раз она подходила к запертым дверям и дергала их — надеялась, вдруг прежде ей показалось, что двери заперты, а сейчас они откроются, поддадутся. Но запоры не поддавались.

Потом она устала стоять и села на каменную ступеньку. Лестница была холодная, и Оля быстро поднялась. С улицы из-за двух дверей иногда доносился шум трамвая, грохот тяжелых грузовиков, потом снова становилось тихо. Она пробовала считать, досчитала до трех с половиной тысяч и сбилась. Однажды послышался милицейский свисток, и Оля обрадовалась — она подумала, что это ее ищут родители вместе с милиционером. Но свисток больше не повторялся.

Наконец, когда у нее уже не было сил на то, чтобы плакать, когда она перестала вслушиваться в уличный шум и даже надеяться на спасение перестала, а впала в странную полудрему, в этот миг уличная дверь неожиданно грохнула.

Оля вздрогнула от этого грохота, и в первый момент особой радости не почувствовала, может быть, испугалась.

Кто-то затопал ко второй двери, с узкими матовыми стеклами, остановился, вздохнул и стал открывать засов.

Оля стояла, прижавшись к стене, и было ей по-прежнему страшно.

Но когда дверь открылась, она неожиданно для самой себя бросилась к ней и увидела мальчишку. Оля натолкнулась прямо на него, и мальчишка чуть не бухнулся вниз.

Оля прыгнула быстрее к уличной двери, приоткрыла ее.

И тут Оля догадалась: конечно, этот мальчишка в потрепанной синей нейлоновой куртке — из той же девчоночьей компании. Они заперли, поиздевались в свое удовольствие, теперь он открыл, а они — рядом где-нибудь в подворотне продолжают хохотать.

— Я сейчас... я сейчас... в милицию отдам! — сказала вдруг Оля решительным голосом, и даже сама удивилась этой своей смелости.

А тут как раз на другой стороне улицы появились папа и милиционер.

— Папа! — крикнула Оля через улицу по-прежнему смелым голосом.

Папа услышал. Оглянулся удивленно, увидел Олю, сказал что-то милиционеру, и они побежали через трамвайные пути.

— Нашлась! — папа схватил ее за руку, но лицо у него все еще оставалось нервным. — Ну куда ты потерялась, дочка!

— Это он вместе с девчонками меня запер! — Оля показала на мальчишку, стоявшего в дверях и глядевшего на них с удивлением.

— Никуда я тебя не запираю, — тихо проговорил мальчишка, глядя в землю.

— Не может этого быть, — сказал милиционер странно спокойным голосом, а потом кивнул мальчишке: — Антон, ты не видел, кто это сделал?

— Нет, не видел. — Мальчишка по-прежнему не поднимал головы.

— Замерзла совсем! Совсем замерзла! — говорил в это время папа. — Товарищ сержант, спасибо большое, я пойду ее чаем напою. Может, и вы зайдете чайку попить, ведь нашлась!

— От чая бы я не отказался, да найти надо виновников... Протокол составить: что было с девочкой, зачем ее заперли, с какой целью.

— Главное, что благополучно нашлась! — папа наконец заулыбался.

— А протокол все-таки надо составить, — милиционер продолжал говорить спокойным вежливым голосом. — Я на своем участке порядок строго поддерживаю, а участок у меня трудный. Так что вы идите, напоите дочь чаем, а потом вместе в отделение. Разберем подробно, как и что происходило. Если дети начнут так исчезать...

— Хорошо, хорошо. — Папа кивнул и, не отпуская Олину руку, повел ее в дом к Кате.

Они поднялись на лифте, а в квартире ее обступили все. Мама то счастливо смеялась, то плакала, Катя и ее отец тоже не переставали улыбаться.

— Я все свои улицы обегал, только заскочил домой узнать новости, гляжу в окно — вы идете!
— повторял Катин отец.

Праздничные блюда были убраны, но Оле принесли отдельно. Она ела, пила чай с особенным пирогом, который испек отец Кати, и рассказывала, как на нее налетели какие-то девчонки, загнали на лестницу, продержали весь вечер, а потом послали своего знакомого мальчишку отпереть.

— Это просто так оставлять нельзя! — говорил папа решительным голосом. — Сейчас допьешь чай и пойдем в отделение.

Но в отделение милиции они так и не пошли, потому что после чая Олю разморило — захотелось спать. Олины родители вызвали по телефону такси и отвели полусонную Олю в машину, а Катя с отцом их проводили.

В следующие дни Олин папа еще несколько раз вспоминал про отделение милиции, а потом у него появились другие срочные дела, и о трех девчонках он больше не вспоминал.

Скоро начались летние каникулы, и Оля тоже все реже вспоминала о том случае.

Но в начале сентября, когда она ехала с мамой в электричке, она вдруг увидела мальчишку. Мальчишка был в той же голубой потертой куртке, и вошел он в вагон на остановке. А Оля ехала из Сестрорецка. Оля сразу узнала его, а он нерешительно оглядел пассажиров, и вид у

него был виноватый, может быть, он снова сделал какую-нибудь пакость людям. Мальчишка вел рыжего ирландского сеттера, точь-в-точь похожего на собаку, которая была у пожилого слепого человека на улице Пархоменко.

Он прошел по вагону, уселся в самом конце, достал из сетки бутылку с водой, алюминиевую мисочку и стал поить сеттера, а собака принялась громко пить.

Олю он, к счастью, не замечал. А Оля все видела и слышала.

Какой-то взрослый повернулся к мальчишке и спросил дружелюбно:

— Как зовут твою собаку, мальчик?

И вместо того, чтобы спокойно назвать имя, если ты везешь свою собаку, мальчишка вдруг вздрогнул, испуганно оглянулся и только потом виноватым голосом что-то проговорил.

И в эту секунду собака села, а потом смешно положила правую лапу на голову, словно прикрыла ухо. Точно так делала и собака пожилого слепого человека.

Тут уж самый недогадливый сообразил бы, что это за сеттер!

Сержант Петренко

Сержант Петренко был человеком пожилым и одиноким. В прежние годы у него была жена, но она скончалась.

Антон и маму его — докторшу Нину Федоровну сержант милиции Петренко знал хорошо. И не потому, что они жили на его участке и в одном с ним доме. А еще и потому, что Антон с докторшей ему нравились. И зимой, когда Нина Федоровна не подрабатывала на «скорой помощи», а вечерами была дома, сержант любил зайти к ним и попить чаю с вареньем.

Иногда он думал, как хорошо получилось бы, если бы Антон был его сыном. Они бы вместе ездили в лес за грибами, вместе дома мастерили бы нужные для хозяйства вещи, а в воскресенье на стадионе смотрели бы футбол.

Антон был, конечно, мальчишкой сложным, но простых людей в жизни нет — сержант это знал по службе. В марте решил Антон сделать фотографию Владимирской площади с крыши троллейбуса. Он в это время фотографией увлекался. Троллейбусов на кольце было несколько, Антон забрался на один из них, а водитель не заметил и поехал. Хорошо, прохожие на улице закричали, да и сержант был неподалеку.

Очень тогда хотелось сержанту наказать Антона, но с другой стороны — фотография, увлечение, страсть.

...В тот вечер, когда потерялась, а потом нашлась девочка, у сержанта был разговор с начальством. Начальство просило всех сотрудников милиции срочно найти подозрительного мужчину. Он воровал всевозможные вещи, даже несколько собак, оставленных у магазинов, украл. Действовал он в основном в центре.

И первая мысль, когда сержанта остановили и сказали о пропаже девочки, была страшная.

Но все кончилось благополучно. Девочка обнаружилась, указала почему-то на Антона, наверняка перепутала. В том, что Антон не станет запирают прохожих на улицах или красть их

— сержант был уверен. И все-таки сержант жалел, что отпустил девочку с отцом, не выпросил их о подробностях.

Рыжий сеттер

Эту удивительную собаку Антон увидел в первый же день, как приехал на дачу.

Все лето он думал о ней. Он даже сделал несколько ее портретов и повесил в своей комнате.

На даче в Тарховке Антон жил с того лета, как помнил себя. А помнил он себя, не то, что некоторые, — с годовалого возраста. Он даже помнил, как учился ходить, как ему было страшно оттого, что земля качается под ногами. Он помнил молодое улыбающееся мамино лицо. Он помнил и другое лицо — с длинными усами. Позднее такое лицо он увидел в альбоме у бабушки Насти. И бабушка объяснила, что это — его отец. Они поссорились с мамой, когда Антону был год, и расстались навсегда. Отец даже в Москву переехал, потому что не мог спокойно жить в Ленинграде, где были Антон и мама. Он регулярно присылал своей матери — бабушке Насте заводские газеты с заметками о самом себе. В тех заметках писали, какой он замечательный производственник, новатор и рабочий-изобретатель. К десятилетию Антона отец прислал в подарок большой ящик. Там были фотоаппарат, увеличитель, кюветы и книга «Советы юному фотолюбителю».

С того дня Антон и увлекся фотографией. Он сделал портреты двух своих соседок по коммунальной квартире, а весной снял льдины, плывущие по Неве, и крыши домов, отражающие огни реклам. Сержант Петренко даже советовал послать эти фотографии на выставку — так хорошо они получились.

А еще Антон мечтал о собаке.

...Красивый темно-рыжий пес с умными печальными глазами ходил рядом с хмурой теткой по Гагаринской улице. Уши у пса были длинные, висячие, шерсть тоже длинная, блестящая, такая у него была порода — ирландский сеттер, еще он назывался рыжим сеттером. Антон знал многие породы собак, в библиотеке он читал специальную книгу.

Опытный собачник, встретив хозяина и собаку, сразу определит, в каких они отношениях.

Лицо у тетки было всегда недовольным, она не смотрела на своего сеттера, а шла сама по себе. Значит, она его не любила, не уважала. А сеттер шел спокойно рядом, не дергал поводок, лишь иногда грустно оглядывался по сторонам да останавливался понюхать у столбика, чтобы узнать, кто здесь проходил до него.

Тетка при этом дергала поводок, значит, собак не понимала.

Антон хотел собаку с младшей группы детского сада.

Он жил с матерью в коммунальной квартире, там были еще две старушки. А в коммунальной квартире без разрешения жильцов собаку держать нельзя. Черепаху можно, рыбок в аквариуме, кое-каких других животных, а собаку — запрещено. И правильно. Потому что у соседки Валентины Егоровны от шерсти животных — кашель. Прежде она сама держала кошек, а потом ей врачи запретили, и она передала их в хорошие руки. Когда Антон учился в первом классе и не понимал жизни, он время от времени заговаривал с мамой про собаку, но мама лишь грустно вздыхала.

И все-таки Антон продолжал мечтать о собаке, а с того дня, как увидел на даче сеттера, он стал мечтать именно о таком красивом и благородном псе.

Едва хмурая тетка показывалась вместе с сеттером на улице, Антон выходил за калитку и шел в отдалении, словно загипнотизированный.

Сон

В Ленинграде, на Владимирском проспекте, недалеко от Антона жила девочка Катя.

Она тоже училась в пятом классе — Антон узнал это случайно, когда увидел ее в Эрмитаже на школьной экскурсии около античных статуй. Там же он узнал и ее имя.

Катя занималась музыкой — Антон несколько раз встречал ее на улице с нотной папкой.

А однажды Антон переходил Владимирский, взглянул нечаянно на засветившееся окно-фонарь под самой крышей и увидел в нем Катю, Антон даже остановился от неожиданности. На него чуть грузовик не наехал.

Так Антон узнал, где можно Катю увидеть. Мимо ее дома он проходил каждый день и всегда, будто нечаянно, заглядывал в окно. Но Катю он видел там редко.

Антон и летом на даче о ней вспоминал, а недавно она приснилась ему.

Во сне Антон шел по своей Колокольной улице вместе с рыжим красивым сеттером. И такая у них была настоящая дружба с умным псом, что Антон вдруг остановился и поцеловал сеттера в коричневый кожаный нос. И тут из-за угла показалась Катя. А из подворотни неожиданно выскочили три хулигана. Хулиганы почему-то были одеты в женские платья, они бросились к Кате. Но Антон с сеттером были начеку. Быстрым уверенным шагом они приблизились к хулиганам. Сеттер грозно зарычал на них, и хулиганы, придерживая подолы платьев, разбежались в разные стороны. А девочка взглянула на Антона, на смелого пса, неожиданно присела в своем красивом розовом пальто и тоже поцеловала сеттера в коричневый кожаный нос.

Вода в консервной банке

Как-то днем Антон снова шел за рыжим ирландским сеттером и хмурой теткой.

Было жарко. Желтеющие листья светились на солнце и шуршали от ветра.

Тетка и сеттер подошли к магазину. Там тетка привязала пса к столбу, а сама вошла вовнутрь.

Умный пес лег на землю, чтоб было прохладнее. Он громко дышал, и с длинного языка падали на землю капли влаги.

Антон остановился около сеттера. Уже несколько дней ему хотелось погладить блестящую собачью шерсть, но он все не мог решиться.

— Твоя собака, мальчик? — спросил вдруг прохожий. — Кто же собаку на солнце

привязывает? Смотри, как она от жажды мучается. — И прохожий сокрушенно вздохнул.

Близко была колонка. Там как раз набирали воду в ведра. Сеттер посмотрел на плещущую воду и облизнулся. И тут Антон сообразил. Он схватил валявшуюся консервную банку из-под шпрот, набрал холодной воды и отнес псу.

Сеттер стал пить громко и быстро, не поднимаясь от земли, Антон набрал воды снова, и теперь сеттер пил спокойнее, даже оставил немного в банке. Антон осторожно погладил его по спине, и сеттер взглянул Антону в лицо.

Тут как раз вышла хмурая тетка.

— Что ж вы собаку на солнце привязали, — сказали ей люди, стоявшие у магазина. — Хорошо, мальчик догадался, попить принес.

— Продали мне эту собаку за пять рублей, говорили, дом сторожит, а она только сидит, вздыхает, да в глаза заглядывает, — пожаловалась в ответ тетка. — Теперь и мучаюсь. Был бы хороший человек, задаром бы отдала.

Тетка отвязала сеттера от столба, они пошли назад к Гагаринской улице, и Антон снова побрел за ними следом.

Разговор

Сколько раз он так ходил за ними в отдалении, все лето, мечтая хотя бы прикоснуться к сеттеру, хотя бы поймать его взгляд. Иногда он набирался смелости, решался подойти к тетке и заговорить о чем-нибудь, о чем угодно, предложить донести тяжелую сетку, полить огород, а в ответ тетка разрешила бы ему погулять с собакой. Но в последний момент смелости все-таки не хватало.

И вдруг тетка обернулась к Антону сама, и сама заговорила с ним:

— Мальчик, ты зачем следом бродишь? Или замыслил что?

— Я не брожу, я так... — Антон растерялся.

— А я думаю, что не так. Или собака нравится?

— Нравится, — ответил Антон и почувствовал, что голос у него стал от волнения хриплым.

— А я вот собак не люблю. Купила, думала, привыкну, все-таки живая душа. Не получается. И его мучаю и сама мучаюсь, — тетка повторила вчерашнюю фразу.

Она замолчала, словно ожидала, что теперь Антон станет продолжать разговор. Но Антону заговорить было невозможно.

— Завтра в город. И куда я его с собой повезу. Не было у бабы хлопот, купила она испанеля.

— Это не спаниель, это — ирландский сеттер, — поправил Антон. — Спаниели меньше ростом, а уши у них длинные.

— А мне все одно, что сеттер, что испанель.

— Не испанель, а спаниель, — снова не сдержался Антон.

— Во-во! Тот, который продавал, так и говорил.

Тетка замолчала опять и принялась рассматривать Антона. Антон опустил голову, и даже жарко ему стало. Он почувствовал, что наступает главное мгновение.

— А что, — спросила тетка, — ты собак любишь? Я смотрю, ты все лето за нами бродишь.

Антон так и не смог выдать ответ, а лишь кивнул опущенной своей головой.

— Чего же тогда тебе родители не купят? Или деньги жалеют?

— Жалеют, — сказал Антон.

Это была неправда и поэтому выговорилась она легче.

— Ну-ну, — проговорила тетка и пошла с сеттером дальше.

Антон же остался стоять около дерева.

Полдня он не мог ни о чем другом думать. Все мысли были только о собаке.

А к вечеру тетка снова вышла на улицу с сеттером. И сама подошла к Антону.

— Что-то я тебя все одного вижу, без родителей. Где они у тебя? Отец-то есть?

— Есть, — соврал Антон, — он в Москве.

— А мама — тоже в Москве?

— Мама — врачом в больнице работает.

— Врачом — это хорошо, — подумав, сказала тетка. — А что родители скажут, если собаку дома увидят. Не похвалят?

— Похвалят.

— Ну, смотри, парень, — решила тетка, — я тебе эту собаку дарю, но чтоб ты ее ничем не обидел.

Антон стоял, по-прежнему глядя в землю.

— Что сказать надо, когда тебе дарят взрослые?

— Спасибо, — с трудом выговорил Антон.

— Приходи завтра с утра и забирай. Этот, который мне продал, никудышный был человек. Спрашиваю, как собаку-то зовут. А он говорит, Буль. У меня, говорит, дома всех булями зовут, — тетка презрительно махнула рукой.

Счастье

Это было счастье! Счастье, счастье! У него была своя собака! Он мог теперь гулять с ней, сколько захочется. Хотя бы два дня, пока длится дача.

А потом он может взять сеттера в город, устроить у хороших людей жить, сам будет ходить с ним каждый день.

У него была своя собака!

Они вышли за калитку, и тетка смотрела им вслед.

Антон держал в левой руке алюминиевую миску, в правой вел Буля на поводке, и ему казалось, что вся улица их разглядывает.

Он гордо прошел до угла, по направлению к даче бабушки Насти и только в эту минуту, дойдя до угла, понял вдруг, что ему с собакой деваться некуда. Ведь не вести же пса к своей даче — попробуй, объясни бабушке, где его взял.

На минуту ему стало страшно, даже захотелось бежать назад к бывшей хозяйке, посадить молча, не глядя на ее изумление, сеттера и убежать куда-нибудь в лес.

Но тут он перехватил умный взгляд Буля, и страх прошел.

Антон решил пойти с сеттером в лесок к заливу. По дороге он несколько раз останавливался погладить пса и угощал его печеньем.

— Буль, Буль, — приговаривал он, — мы теперь с тобой вместе. Ты у меня самый хороший пес.

Буль печенье ел с удовольствием и однажды в ответ лизнул руку.

Всё оказалось другим

Прежде, в мечтах, Антон часто представлял себе прогулки с собакой.

Вот он идет, спокойный и уверенный, держит в руке поводок. А поблизости весело бегают сеттер, постоянно оглядывается на хозяина, ловит каждое слово и знак.

— Сидеть! — командует Антон, и сеттер мгновенно садится.

Антон гладит его, берет на поводок, они переходят дорогу, а потом Антон снова отпускает сеттера и опять продолжается их счастливая прогулка...

Все оказалось другим.

Большого позора с Антоном не случилось никогда.

Едва они пришли в лес, и Антон отпустил сеттера, как пес, понюхав кусты, мокрые от утренней росы, повернулся, и не очень быстро, но не так уж и медленно, побежал в сторону Гагаринской улицы.

— Буль! Буль! — звал Антон и показывал сеттеру печенье.

Но Буль перестал замечать Антона. Он нюхал куст или столбик, а потом бежал дальше. Антон был для него посторонним, чужим.

И Антон представил, как сеттер сейчас прибежит к теткинному дому, а тетка в это время будет как раз запирать калитку. Сеттер усядется рядом с нею, и тетка посмотрит на Антона презрительно, а потом скажет:

— Эх ты, нельзя тебе собаку доверить!

Антон бежал за Булем по улице и уже не звал его громко, а лишь тихо, про себя, повторял:

— Что же делать, а? Ну что делать!?

На калитке у теткиной дачи висел тяжелый замок.

Буль ткнулся носом в рейки, отодвинул одну из них и проскользнул за забор. Он спокойно прошел по песчаной дорожке, взобрался на крыльцо, успокоенно вздохнул и лег около двери на веранду.

Антон снова звал его, протягивал через забор печенье, но сеттер лежал отвернувшись, уставившись носом в дверь.

Мимо по улице шел человек.

— Не дразни собаку, мальчик, — сказал он строго.

— А я и не дразню, — ответил Антон со злостью. — Это моя собака, мне ее подарили.

— И не разговаривай так грубо, — человек посмотрел еще строже. — Кто тебе его подарил?

— Тетка.

— Какая тетка? — удивился прохожий. — Как ее зовут?

Антон не ответил.

Прохожий покачал головой и пошел по улице дальше. Антон же сел у забора на траву.

Оказывается, это еще недостаточно, когда один человек передает собаку другому. Надо, чтобы и собака поняла, что новый хозяин — ее друг. Сеттер пока этого не понимал и по-прежнему считал хозяйкой хмурую тетку.

Но это была лишь первая трудность. О других пока Антон не догадывался.

Новый день

Поднималось солнце и становилось жарче.

Буль по-прежнему лежал на крыльце. Он вывалил язык и часто дышал.

Надо было по крайней мере принести ему попить.

Алюминиевая миска, которую прежняя хозяйка дала Антону, была все еще у него в руках.

Антон набрал из колонки воду в эту миску, просунул ее через ту же щель, в которую пролез Буль. Сеттер оглянулся на воду, но с крыльца не сдвинулся. Тогда Антон решился и перелез через забор. Он поставил воду рядом с сеттером, и лишь тогда пес посмотрел на Антона, вильнул хвостом, а потом, спеша и расплескивая воду, как в прошлый раз у магазина,

принялся жадно пить.

Потом, когда Буль напился, Антон посидел рядом с ним на крыльце, положив руку ему на спину, и пес несколько раз вильнул в ответ хвостом.

...Вчера все казалось простым. «Лишь бы собаку получить, а уж накормить-то ее будет легко», — думал Антон. Но он не подумал о том, где сеттер станет жить. Даже сегодня поместить его было негде. Хорошо, под крыльцом дверца не запиралась, и сеттер, полежав рядом с Антоном, ушел туда. Там была его будка, дом.

Обед Антон решил унести к Булю незаметно для бабушки Насти. Но ведь суп в руках не унесешь. Хорошо, на второе была котлета, и ее Антон спрятал удачно.

Но котлету Буль есть не стал. Он даже не посмотрел на нее, наоборот, отвернулся. Антон боялся теперь выйти с ним на улицу и просидел на крыльце рядом с сеттером до вечера. И до вечера Буль ничего не ел.

А утром Антон уезжал в город. Скоро начиналась школа, и перед школой, как всегда, — медицинский осмотр.

Антон взял из холодильника у бабушки Насти кусочек колбасы, сделал бутерброд и отнес его Булю.

— Вечером приеду, ты не волнуйся, — успокаивал он пса, а Буль и не волновался. Буль, как и вчера, лишь шевельнул хвостом, но на еду даже не посмотрел.

Антон положил еду на лист лопуха в тень около крыльца и побежал к своей даче. Там его ждала бабушка Настя, чтобы ехать в город.

Еще вечером Антон надеялся, что бабушка на дачу вернется. У него была маленькая комната под крышей. Днем, когда солнце разогревало крышу, в комнате было душно и при открытых окнах. Зато вечером от крыши с потолка шло приятное тепло. От сосны за окном шел теплый смолистый запах. По ночам сосна шуршала, поскрипывала, тихо вздыхала. Бабушка раньше говорила, что съездит в город на день и вернется назад. Теперь, по дороге к электричке Антон узнал, что бабушка передумала, решила приехать на дачу лишь недели через две, когда пойдут осенние грибы. Дачу она заперла на все замки, потому что дачники все уже уехали.

Получалось, что и комната Антона была теперь заперта.

Копилка

В электричке Антон не переставал думать о Буле.

Бабушка Настя заговаривала о чем-то. Он не слышал ее, лишь кивал головой. Она проверяла варенье в кошелке, вновь говорила. Антон же думал только о Буле.

Сеттера подстерегали опасности со всех сторон.

Во-первых, он по-прежнему не брал еду, а только пил.

Во-вторых, его легко мог украсть любой вор.

В-третьих, если Буль выйдет на дорогу, его могут схватить собаколовы и отправить на

усыпление.

И он, Антон, еще не став как следует хозяином, уже бросил сеттера, едет по своим делам в город.

Бабушка Настя довезла Антона до Колокольной улицы.

Дома их ждала мама.

— Все одна живешь, сама по себе, — сказала бабушка, пробуя суп из тарелки с синими цветочками.

— Почему же одна, теперь вот Антон приехал, снова будем вместе.

— Выходила бы ты замуж, — сказала бабушка, продолжая хлебать суп.

— Это за кого ж? — спросила мама, глядя в сторону.

— А хоть бы за милицейского, который к вам на чай заходит. Это ничего, что ты — врач, а он — сержант. Главное, чтоб человек был добрый.

Мама негромко и грустно рассмеялась.

Такие разговоры бабушка Настя заводила всегда, когда видела маму. Антон слушать их не любил, и старался быстрее уйти. И сейчас — тоже, он быстро поел и побежал на осмотр в школу. Он привык, что в жизни их только двое: мама да он.

На осмотр собрался почти весь класс.

Каждый рассказывал свои новости, кто где летом был, что делал. Антону тоже хотелось рассказать про Буля, но он молчал, потому что о сеттере рассказывать было пока нельзя.

Осмотр длился долго — была большая очередь.

«Как осмотрюсь, так на дачу к Булю поеду», — думал Антон.

Но на дачу ехать ему не пришлось.

Когда он вернулся домой, бабушки Насти уже не было. Антон надеялся, что мама тоже уйдет на вечернее дежурство в «скорой помощи». Он еще деньги хотел взять из копилки, потому что других денег на еду для Буля у него не было.

— А мы с тобой в кино идем, — сказала мама. — Я так по тебе соскучилась! Сегодня у меня выходной, я уже билеты взяла.

А Буль оставался на даче один. Без еды и питья.

Во время фильма все зрители громко смеялись, потому что показывали комедию. Мама тоже смеялась. Лишь Антону было странно и неприятно — чего смешного все они находят в этом скучном фильме.

Утром он проснулся рано и все ждал, когда же мама уйдет на работу.

— Ну что ты так рано проснулся, вставай завтракать, если не спишь, — сказала мама. — Вставай, вставай, дружок, и скушай пирожок, — пропела она.

Она и в самом деле, успела к завтраку испечь пирожки.

— Какие планы у тебя на сегодняшний день? — спросила она за завтраком. — Я сразу из больницы на дежурство в «скорую помощь». Вся еда — в холодильнике. Не разучился подогревать?

— Не разучился, — ответил Антон.

— Будет минутка, вечером забегу.

Как только за мамой захлопнулась дверь, Антон взялся за копилку. Это был игрушечный чемоданчик с ручкой и замком. Замок открывался специальным ключиком.

Антон вывалил деньги на постель и стал пересчитывать. В копилке было двенадцать рублей. Туда собирались монеты уже больше трех лет.

Антон взял рубль, остальное высыпал назад.

Встреча в булочной

На углу, в магазине он купил пакет молока, рядом в булочной — городскую булку.

В булочной к нему подошла Катя.

Конечно, не к нему подошла, а просто остановилась рядом, взяла батон за шестнадцать копеек, встала за Антоном в очередь, чтобы заплатить деньги.

Антон уже столько раз представлял, как они однажды окажутся рядом, где-нибудь в кино, что он скажет ей, постарается сказать что-нибудь веселое, чтобы сразу показать, какой он остроумный, а она в ответ улыбнется и посмотрит на него и тоже что-нибудь скажет. И так у них получится знакомство.

И вот они встретились в булочной. Он держал дурацкий пакет с молоком, в другой руке булку, и никак не мог нащупать в кармане мелочь, даже кассирша на него заворчала, что он копается. А на Катю он даже не смотрел, лицо стало деревянным, ноги-руки — тоже деревянными, и уж не только остроумного слова, а даже просто слова сказать он не мог.

Они вышли из булочной почти одновременно. Катя сразу пошла к своему дому, Антон же — к метро.

...В электричке Антону стало страшно.

Это прежде все казалось так просто: была бы собака, а остальное делается само собой.

Даже осень и та казалась далекой.

А оказывается, вот она — осень. За окнами поезда по-осеннему гнулись от ветра желтеющие клены, на низком осеннем солнце горели рябины, по шоссе ехали машины с грибниками — у каждого огромная корзина.

Осень пришла, но Антон не знал, где поселить Буля. Кто ж согласится собаку держать у себя просто так, не считая своей. Потом он вспомнил про Катю. И ему стало стыдно еще больше, чем в булочной, оттого, что он так одеревенел и выглядел перед Катей дурачки.

Наконец, электричка остановилась у платформы.

Катя

Ну, конечно, Катя узнала этого странного мальчишку в булочной. Он смотрел на нее испуганно, не отводя глаз, а потом выбежал на улицу.

Она и прежде его замечала, всегда чувствовала его взгляд, когда он шел следом по Владимирскому проспекту. И ей становилось неловко от этого взгляда, казалось, все прохожие понимают и перемигиваются — вон идет следом за девочкой мальчишка и смотрит на нее в упор.

Лишь однажды она сама смотрела на него и даже закричала громко, на всю улицу: это когда он забрался с фотоаппаратом на троллейбус, а троллейбус неожиданно поехал. Хорошо, что водитель услышал крики, и троллейбус быстро остановился.

В обычные дни Катя редко вспоминала этого мальчишку, но иногда ей хотелось, чтобы он снова встретился на улице.

А впервые она его заметила год назад в начале мая, когда готовилась к экзамену по музыке. Была жара, окна раскрыли, она все воскресенье сидела у пианино и повторяла сонатины, а когда в перерывах отходила к окну, видела на противоположной стороне проспекта одну и ту же фигуру. Сначала Катя подумала, что он просто ждет там кого-нибудь, а потом поняла, что он смотрит на ее окна. Весь день он там простоял или отходил куда-нибудь — Катя не знает.

С тех пор Катя и стала узнавать его. А однажды этого мальчишку окликнул на улице другой, он назвал его Антоном.

Корова

Антон подходил к даче и уже издали смотрел сквозь забор на крыльцо — хотел увидеть Буля. Но Буля на крыльце не было...

«Украли!» — подумал он с ужасом.

А может быть, бывшая хозяйка вернулась проведать дачу, увидела, что Буль один и увезла его...

Антон все-таки полез через забор и едва скрипнул рейками, как рыжий сеттер сразу выскочил из-под крыльца и бросился навстречу.

Антон смеялся от радости и подставлял Булю щеки, а Буль счастливо их лизал.

Вчерашняя еда была съедена, и вода выпита тоже.

Антон налил в миску молока, крошил булку, и сеттер принялся тут же есть, расплескивая молоко по крыльцу. Но потом, когда у миски были вылизаны все края, аккуратный пес и с деревянных половиц тоже слизал белые молочные капли.

А потом они пошли гулять. Буля можно было бы и без поводка вести — Антон это сразу

почувствовал. Но по улице иногда проезжали машины, и поэтому до леса Антон вел Буля на поводку. А в конце улицы, у первых деревьев — отпустил.

И там Буль весело бегал вокруг Антона. Антон бросал ему палку, командовал «апорт!», и Буль сразу подносил, обегал кругом и усаживался с палкой у левой ноги.

Скоро Буль улегся на мху, Антон сидел рядом на пне. Буль громко запыхтел, и Антон понял, что пес так отдыхает и охлаждает себя, потом они снова вместе играли. И счастливее минут у Антона, наверное, не было никогда в жизни.

И тут неожиданно из-за кустов появилась бодливая корова. Она тащила за собой обрывок веревки и шла в наступление на Буля рогами вперед. Антон даже не подумал — подумать он не успел — почувствовал, что еще полминуты, и озверевшая корова прижмет Буля рогами.

И тут он увидел на земле длинную ветку с высохшими листьями. Он схватил эту ветку, подскочил к корове и хлестнул ее изо всех сил по спине.

Корова остановилась, и мгновенно вид у нее стал смиренный и добрый. Она даже виновато оглянулась на Антона, и Антон закричал ей как настоящий деревенский пастух:

— Пошла отсюда! А ну пошла!

И корова шагнула в сторону, а потом даже отбежала на несколько шагов.

Антон повел Буля на другую лужайку. Теперь он даже самому себе казался смелым и решительным, а Буль смотрел на него с уважением.

Пора было возвращать Буля назад, на дачу. И так не хотелось оставлять его за забором! Но в городе ему пока негде было жить.

Антон уходил по улице, и все оглядывался на Буля. А Буль просунул голову между реек и грустно смотрел на Антона. Антон сказал ему «место!», и Буль честно выполнил приказ.

Первое сентября

Утром первого сентября всегда чувствуешь себя необычно.

Ты идешь по улице, светит низкое неяркое солнце, и дует прохладный ветер, издалека из громкоговорителей летит праздничная музыка. И кажется, что взрослые прохожие на тебя оглядываются со вниманием. И первые минуты первого урока тоже чувствуешь себя необыкновенно и празднично...

Антон сидел за одной партой с Колей Кудлаевым, они часто ходили вместе из школы, потому что жили на одной улице, в соседних домах.

— Я с Урала коллекцию камней привез, — сказал Коля Кудлаев, — пошли после школы ко мне.

И Антон согласно кивнул. А на последнем уроке вспомнил, что он же должен ехать на дачу к Булю.

После уроков они вышли вместе и дошли до Владимирской площади. А на углу Антон остановился.

— Мне в метро надо. У меня дело есть.

— Ты чего? — удивился Коля. — Сделаешь потом!

Было видно, что он обиделся.

— Нет, надо сейчас, — сказал Антон извиняющимся голосом. — Завтра покажешь, а?

— А может, у меня завтра настроения не будет?

Так они и пошли в разные стороны, недовольные друг другом, и Антону было неприятно, оттого что он ни за что обидел Колю Кудлаева. И в метро, и в электричке он ехал с этим неприятным ощущением. Только когда вышел на Гагаринскую улицу и увидел издали забор Буля, настроение его улучшилось.

Буль обрадовался Антону еще больше, чем вчера. А потом они опять вместе гуляли, и не хотелось им расставаться.

Пустой дом

И на следующий день, второго сентября, сразу после школы Антон поехал на электричке к Булю. И как вчера, обидел Колю Кудлаева.

Письменных уроков им пока не задавали, а устные Антон делал в электричке.

Потом было воскресенье, Антон сказал маме, что идет гулять по городу с Колей. Он вправду зашел к нему, посмотрел, наконец, его коллекцию камней. Камни были интересные — целый ящик. Коле хотелось их всем показать, но не носить же тяжеленный ящик с собой, и Коля зазывал к себе.

От Коли Антон поехал на дачу к Булю, и они гуляли почти весь день. Антон купил Булю дешевой колбасы, и они с Булем съели ее вместе.

А шестого сентября с утра полил дождь, и задул холодный ветер.

Уроки кончились, но на вокзал ехать не хотелось, а было надо. Антон представлял, как Буль сидит под мокрым крыльцом, на него сквозь щели стекает холодная вода и задувает ветер, и ругал себя за то, что не позаботился как следует о псе, и что до сих пор не знает, куда его поместить в городе. Он заговорил с Колей Кудлаевым, но у Коли в квартире жили две кошки. Эти кошки были знамениты своей боевитостью: они первые нападали на собак, и одна собака даже умерла от разрыва сердца, так перепугалась кошачьего нападения. Это Коля еще весной рассказывал. Других людей, которым можно было доверить тайну Буля, Антон не знал. А к сержанту милиции ему идти не хотелось, потому что он мог обо всем рассказать маме.

В буфете на вокзале Антон купил для Буля четыре жареных пирожка и пакет молока. По мокрой платформе к поезду люди бежали бегом. Поезд тоже стоял весь мокрый, а когда тронулся — дождь замолотил по окнам.

Пока Антон шел от электрички до Буля, он совсем промок.

Буль обрадовался Антону, как и все эти дни, быстро съел из миски крошки в молоко пирожки, но потом убрался назад под крыльцо и лишь высунул голову, как бы приглашая

Антон в гости. Сверху ему на нос капал дождь, и он время от времени смешно встряхивал головой.

Антон погладил его, а потом пошел назад к электричке.

Он совсем продрог, пока ждал поезда, и даже в вагоне едва согрелся.

А когда он вышел на свою Колокольную улицу, появилась у него замечательная мысль. Он увидел пустой дом, огороженный забором.

Этот старинный дом на углу Дмитриевского переулочка и Колокольной готовили для капитального ремонта жильцов из него выселили, и он стоял пустой с темными окнами.

Антон пролез через дыру в заборе, вошел в пустую парадную. На ступеньках лестницы лежала толстым слоем пыль, и ноги его оставляли четкие следы. Антон поднялся на второй этаж. Двери всюду были не заперты, и он обошел несколько квартир, стараясь дышать и ступать тише, словно за ним следом кто-нибудь крался. В доме было непривычно тихо, мертво и лишь в окна иногда доносились уличные звуки. В некоторых квартирах стояла кое-какая ненужная мебель, на ней, как и на полу, толстым мохнатым слоем лежала пыль.

На третьем этаже в квартире номер двадцать Антон увидел большой картонный ящик из-под цветного телевизора. В ящике даже человек мог поместиться, а для Буля это был настоящий дом. Конечно, и так в квартирах потолки не протекали, но, наверное, Булю будет уютнее, если он не просто в пустой комнате станет жить, а в собственном, хоть и картонном, доме.

«Поселю его пока здесь, — решил Антон. — Буду гулять с ним утром перед школой и вечером. И днем тоже можно гулять».

На следующий день было солнце, но Антон все равно сразу после уроков поехал за Булем, захватил его миску, налил в пустую валявшуюся у забора бутылку воды, чтобы напоить сеттера в поезде, и привез его в город.

Антону страшно было шагать по пустому дому даже вместе с Булем. Ему все время казалось, что в доме кто-то есть, что кто-то ходит, вздыхает, кашляет, шелестит то на нижнем этаже, то наверху. Антон настороженно прислушивался к тишине и убеждал себя, что никого в доме, кроме них, нет.

В одной квартире он нашел половик. Надо было лишь стряхнуть с него пыль на лестнице. Этот половик Антон положил в картонный ящик. Рядом поставил миску с водой и сказал Булю: «Место!». Буль улегся и спокойно задремал.

Антон посидел с ним рядом, а потом пошел вниз по лестнице. Он хотел сходить домой, чтобы принести для пса новой воды и какую-нибудь еду. Он уже пролез в дыру, уже прошел вдоль забора до самого угла и вдруг услышал, что кто-то его догоняет. Оглянулся — это был Буль. Оказывается, он так и не понял, что переселился теперь в квартиру на третий этаж.

Антон снова отвел Буля в ту квартиру и на всякий случай обвязал ручку двери веревкой, прикрепил ее к крюку, так что дверь теперь Булю было не открыть.

Прогулка

Вечером он вывел Буля гулять. Медленно они прошлись по Дмитриевскому переулку, и все люди оглядывались на них, а одна старушка сказала:

— Красавец какой идет.

В угловом садике вечером всегда были люди с собаками.

И в этот вечер тоже — бородатый человек в шляпе прогуливал красиво подстриженного пуделя.

— Твой пес не дерется? — спросил человек Антона и настороженно посмотрел на Буля.

— Он умный, — сказал Антон с уверенностью, хотя и не знал, как поведет себя Буль с этим пуделем.

Но Буль, и правда, повел себя умно. Он обнюхал пуделя и отошел к Антону.

Антон сел на скамейку рядом с бородатым человеком, и Буль тоже сел около них.

— С воспитанной собакой в городе легче, — сказал человек Антону.

В этот момент на улице издалека показался велосипедист. Антон и не заметил бы его, но пудель вдруг выскочил из садика и помчался велосипедисту навстречу. При этом он смешно лаял тонким, но злым голосом.

— Ну вот, как раз, — человек с бородой грустно вздохнул, — терпеть не может велосипедистов.

Человек подошел к воротам и громко закричал:

— Паша! Пашенька, Паша, ко мне!..

Пудель, не слушая его, бегал вокруг велосипедиста, подпрыгивал, отскакивал в сторону. Из-за угла выскочило такси. Велосипедист как раз поравнялся с такси, и пудель бросился под колесо машины. Заскрипели тормоза.

Хозяин пуделя уже подбегал к машине. Ему удалось схватить своего кудрявого песика, но водитель такси все равно открыл дверь и стал ругать его.

Такси уехало, а человек с пуделем снова пришли в садик. Теперь пудель был на поводке.

— Сегодняшний город не для собак, — горестно проговорил хозяин пуделя, садясь на скамейку рядом с Антоном. — Им бегать необходимо по своей природе, а тут — машины кругом. Тебе хорошо, у тебя пес вон какой смирный. А мой — молодой совсем, ему резвиться необходимо.

Велосипедист сошел со своего велосипеда, подошел к ним и оказался Колей Кудлаевым.

— Тебе собаку купили? — удивился он. — Чего же ты не сказал! Твоя собака? — снова переспросил он.

— Моя, — Антон ответил специальным уверенным голосом, чтобы Коля не сомневался.

— А мне с нашими квартирными кошками только во сне собаки снятся. Она обученная?

Антон молча подобрал палку, лежавшую у скамейки, и бросил ее в темный край садика.

Буль тут же сорвался с места, потоптался там, в темноте и бегом принес палку в руки Антона.

И бородатый человек снова похвалил их:

— Рыжие сеттеры — умнейшая порода!

Он погладил своего пуделя, встал и отправился домой.

Коля тоже отвел свой велосипед подальше от них и поехал в сторону своего дома.

Антон подождал, пока Коля скроется за углом, и только тогда повел Буля в новое жилище.

Кончились деньги

Кончились деньги.

Их и раньше оставалось в копилке немного. Хорошо, мама оставляла на завтрак каждый день по двадцать пять копеек.

Сначала Антон рассчитывал, что сам он есть в школе не будет, а на те деньги станет покупать еду Булю.

В большую перемену все бежали в буфет. Кто покупал булочку и компот, кто сосиски, а кто жареные пирожки. Антон с Колей Кудлаевым в прошлом году тоже всегда ходили в буфет.

Голодать ежедневно оказалось трудно. Коля Кудлаев звал его в буфет, а он притворялся сытым и специально уходил в другой конец коридора. Там поставили фонтанчик с водой для питья. Антон еще весной прочитал в одной книге, что если хочешь унять чувство голода, надо пить больше воды. В первый день он пил и пил ее всю перемену, но есть по-прежнему хотелось. Возможно, автор книги сам никогда не пробовал притуплять свой голод водой или у него желудок был устроен иначе.

Потом Антон не сдержался. Отголодав большую перемену, перед последним уроком он решил заглянуть в буфет просто так, для интереса, чтобы посмотреть, не изменилось ли там что-нибудь. И сам не ожидая этого, он вдруг подошел к буфетчице и набрал все, что ел прежде: и сосиски, и булочку, и жареный пирожок.

— А ты успеешь съесть все это? — удивилась буфетчица.

— Успею, — проговорил Антон, откусывая сразу половину пирожка.

Денег ушло в тот день в три раза больше, чем на обычный завтрак.

А сегодня на последние копейки из копилки он купил Булю пакет молока и четвертинку черного хлеба. На завтрашнюю еду для сеттера денег не оставалось. Их надо было срочно искать.

Встреча

Катя шла по улице и увидела Антона. Он вел красивую рыжую собаку. Собака часто оглядывалась на Антона и радостно мотала хвостом.

Катя прошла немного следом за ними. Она всегда любила смотреть на собак.

И вдруг Антон скрылся. Впереди был дом с пустыми окнами, подготовленный для ремонта. Вокруг дома стоял забор. Антон увел собаку зачем-то туда, за забор.

На другой день у Кати была музыка, и Антона она не видела. А на третий — она вышла на улицу специально в то же время, и опять Антон гулял с собакой, а потом увел ее за забор.

Любой человек заинтересуется такой непонятной историей.

Катя подбежала к дырке и увидела, что Антон и собака входят в парадную пустого дома. Что им там надо — было неясно.

Катя подождала в подворотне минут пятнадцать и наконец снова увидела Антона. Он вылез в дырку один, без собаки, оглянулся и отправился к своему дому.

Вездеход

Раньше Антон о деньгах особенно не задумывался. Деньги лежали на полке в коробочке, их обычно хватало до маминой получки.

Если Антону нужно было взять рубль на фотобумагу, проявитель и фиксаж или для школьных надобностей — он брал, а потом говорил маме. Если мама забывала дать на завтрак, он сам себе отсчитывал — рубль на четыре дня. Так было уже несколько лет — Антон в любой момент мог взять деньги из коробки, если они требовались.

Года два назад с ним произошел несчастный случай.

Антон был на дне рождения у Коли Кудлаева. Там они весь вечер играли радиоуправляемой игрушкой — вездеходом, который мог поворачиваться, мигать лампой, ездить вперед и назад. А отдавать приказы ему можно было даже из другой комнаты — по специальному аппарату с клавишами и антеннами.

— В Гостином дворе продается! — с гордостью сказал Коля Кудлаев.

И так захотелось Антону играть такой же игрушкой дома!

После школы он сходил в Гостиный двор и узнал, что вездеход стоит шестнадцать рублей. Домой он бежал быстро, как мог, боялся что игрушку раскупят другие люди.

Мама была на работе, а в коробке лежали две десятки и рубль с мелочью. Антон взял обе десятки, и через час вездеход разъезжал уже по комнате, урчал, мигал сигнальной лампой, а Антон командовал им со своего складного диванчика. В коробке же оставалось теперь лишь пять рублей да мелочь.

Антон играл вездеходом часа полтора, а потом ему надоело. Он оставил игрушку в углу, а сам сел за уроки.

Вечером пришла из больницы мама, решила сходить в магазин, открыла коробку, а денег мало. Взглянула она на вездеход, который стоял в углу, и все поняла.

— Завтра я заплачу за электричество и останется у нас до получки рубля три. А получка — через пять дней. Так что нам с тобой на разъезды да тебе на школьные завтраки хватит. Картошка дома есть, подсолнечного масла тоже — почти полная бутылка, как-нибудь

проживем.

Лучше бы отругала она его тогда. Отлупила бы вездеходом по спине. Так нет же — весело напевая, чистила мама картошку, а потом утром и вечером макали они ее в подсолнечное масло, да пили чай с хлебом и залежавшимися леденцами. При этом мама подкладывала сыну картофелины побольше, а сама старалась пить чай несладкий.

Эту стыдную историю Антон не забыл.

Поэтому сейчас для Буля он не мог взять деньги из коробки.

...Антон так ничего и не придумал и лег спать.

Утром он, как и во все эти дни, встал на полчаса раньше, чтобы погулять с Булем. Буль издали слышал шаги Антона на гулкой пустой лестнице и нетерпеливо взлаивал за дверью. А когда Антон отпирал дверь, Буль прыгал навстречу ему и облизывал лицо и уши.

Потом они гуляли. Шли до Невского по одной стороне улицы, а возвращались по другой. И так было радостно идти им вместе! Тротуар освещало низкое нежаркое солнце. От Буля и Антона падали на асфальт длинные тени. А шерсть Буля красиво отсвечивала на солнце.

Во время гулянья Антон перебрал еще раз все, что он мог бы продать: фотоаппарат, увеличитель, фонарик, складной нож, паяльник и вездеход. Никто из знакомых не стал бы все это покупать, потому что у них тоже есть все эти вещи дома.

Обычно после школы Антон заходил в магазины и покупал еду для Буля. Потом дома наливал в бутылку воды и шел с бутылкой и едой к сеттеру.

Он думал о деньгах весь день, даже во время диктовки. И когда кончился последний урок, когда все одноклассники Антона, подталкивая друг друга, устремились в раздевалку, Антон очнулся.

Собака в пустом доме

Кате страшно было залезать в ту заборную дырку, за которой скрывались Антон и собака. Но не узнать, что там, за дыркой, казалось невозможным. «Загляну на секундочку и сразу назад», — подумала она.

Осторожно Катя пролезла в щель и подошла к парадной. Ничего особенного там не было. Пустой тихий дом. Она состояла немного у двери, потому что решиться идти вовнутрь было трудно. Но все-таки решилась, вошла в парадную. По бокам на лестнице лежала пыль. Посредине ступеньки, чище, иногда на них были следы человеческих и собачьих ног. На стене выцарапан разговор: «Димка осел» — «Сам осел». Все, как в любом старом доме. Кроме пустоты да тишины.

На цыпочках Катя поднялась на второй этаж, отшатнулась от распахнутых дверей. От этих пустых раскрытых квартир ей стало страшно. Но вдруг услышала сверху негромкий собачий лай.

Катя подождала немного. Лай стих, потом снова повторился. Так у соседей взлаивала собака, когда ждала хозяев. Наверно, эта собака тоже кого-нибудь ждала, может быть, Антона.

Еще осторожнее Катя поднялась на следующий этаж. Лай шел из-за закрытой двери. Ручка

двери была привязана к крючку веревкой.

Катя быстро, не задумываясь, развязала веревку, дверь распахнулась, и из квартиры выскочила та самая красивая рыжая собака. Она выскочила с радостью, словно хотела подпрыгнуть, встать на задние лапы и облизать Кате лицо. Но тут же присела смущенно, потом отпрыгнула в сторону, к лестнице, там гавкнула коротко, зевнула и равнодушно пошла вовнутрь квартиры.

Катя пошла за собакой следом. Собака уже лежала на коврике около огромного картонного ящика, стоявшего вертикально. Рядом с нею была миска с водой, обглоданная кость и резиновый мячик. На подоконнике лежали поводок да ошейник.

Теперь Катя все поняла.

В кармане у нее была ириска. От конфеты, положенной на пол, собака отвернулась с равнодушным выражением.

Катя осторожно погладила сеттера по спине, а потом медленно пошла к выходу. Она боялась, что собака тут-то и вскочит, не выпустит ее из квартиры, но сеттер оставался лежать, лишь следил за нею большими грустными глазами.

Катя вышла из квартиры и снова привязала дверь веревкой.

Катя и Буль

Теперь Катю постоянно тянуло в пустой дом, где непонятно от кого Антон прятал Буля.

Обычно в простые дни она не гуляла. Да и когда гулять — и музыка, и уроки, и книги — на все надо время. Папа иногда даже силой ее выставлял за дверь, набросив пальто и шапку.

А теперь она ходила по Дмитриевскому переулку, прогуливалась взад и вперед и сама себе удивлялась.

Потом она все-таки заставила себя пойти домой и сделать уроки. А после этого она взяла было книгу, но тут ею окончательно завладела какая-то сила. Она открыла холодильник, достала из красной эмалированной миски котлету, завернула ее в бумагу и выбежала на улицу.

В огороженный дом Катя вошла быстро и уверенно. Подошла к привязанной двери, услышала голос Буля, отвязала веревку и открыла квартиру.

Буль от котлеты отворачивался. Вид у него при этом был угрюмый. Но потом, когда Катя перешла в другую комнату и стала около пустой стены с оторванными обоями, Буль, видимо, сразу набросился на эту котлету.

Катя вернулась — сеттер облизывался и смотрел на нее добрее.

Катя дала ему конфету «Гвоздика». Эту конфету сама она очень любила из-за вкусной начинки. Но при ней Буль опять не стал есть. Катя перешла к окну, и Буль тоже перешел, сел рядом с ней. Катя погладила его и высунулась в окно. Отсюда была видна вся Колокольная улица. И вдруг на эту улицу из своего двора вышел Антон. В руках у Антона была хозяйственная тряпочная сумка, и он направлялся к огороженному дому.

Катя — молодец, она не растерялась. Она быстро-быстро погладила в последний раз Буля, выскочила из квартиры, завязала дверь. Бежать вниз уже нельзя — она бы наверняка столкнулась с Антоном. Катя поднялась по лестнице вверх на два этажа и там затаилась.

И точно — Антон как раз вошел в дом.

Катя слушала, как он топает по лестнице, как пыхтит, развязывая веревку. Даже голос Буля из-за дверей она услышала. Потом дверь хлопнула, и Катя быстро, как могла, побежала по лестнице вниз. Но едва она добежала до второго этажа, как на лестницу опять выскочил Антон. Катя замерла за закрытой дверью, стараясь не дышать. «Только бы он не стал спускаться! — молила она. — Только бы не спускался!»

Ей казалось, что он уже ступил на лестницу, уже пошел вниз, осторожно, тоже стараясь не дышать, как и она. Катя даже глаза закрыла от ужаса: что сейчас будет, если он наткнется на нее!

Антон потоптался на площадке, пробормотал что-то похожее на «странно, странно» и снова ушел в квартиру.

Катя еще постояла минутку, а потом громко — тихо она не могла, — сбегала по лестнице, хлопнула дверь, подбежала к забору, вылезла на улицу. И даже по улице она бежала до самого своего дома.

«Ни за что больше не пойду туда», — решила она.

Конфета

Сначала Антон не знал ни о чем.

Он спокойно развязал веревку, открыл дверь, погладил Буля, отломил ему кусок дешевой колбасы, нагнулся, чтобы налить в миску молоко из пакета и только тогда увидел конфету. Конфета лежала на полу у стены. Прежде ее не было и быть не могло, потому что конфет Антон не приносил.

Антон вздрогнул даже — так он испугался.

Не веря себе, он взял конфету в руки, прочитал название «Гвоздика». Утром, когда он гулял с Булем, никакой конфеты у стены не было.

Значит, кто-то здесь побывал сегодня!

Как собака-ищейка, Антон стал высматривать, вынюхивать следы того, кто был в квартире у Буля. И обнаружил крошки от котлеты. Он по запаху понял, что это именно котлетные крошки, да к тому же свежие.

Антон выбежал за дверь и на площадке нашел еще одну конфету — ириску.

А когда поднимал ее, услышал внизу шорох. Это был не Буль, потому что шорох донесся именно снизу. Антон замер и услышал дыхание человека.

Медленно, как загипнотизированный, он спустился на несколько ступенек вниз. И снова замер.

Шорох повторился.

И тут Антон почувствовал, что ему изо всех сил не хочется встречаться с тем, кто прячется сейчас внизу. Нет, ему не страшно было. Просто он понял, что встречаться нос к носу с тем человеком сейчас невозможно. Он даже не знал почему, только чувствовал, что невозможно.

Он взбежал на свою площадку, хлопнул дверью и тут же услышал с лестницы громкие шаги бегущего вниз, а потом грохот уличных дверей.

Антон подскочил к окну, чтобы издали увидеть и запомнить того человека. Но на улице никого не было. Лишь та девочка в красивом голубом пальто, Катя, пробежала по улице.

Осенний ветер

Вечером задул холодный ветер, и на улицу выходить не хотелось, но надо было обязательно вывести Буля.

А тут неожиданно забежала с дежурства мама.

Антон как раз надевал куртку, когда она открыла дверь.

— Я на минутку, посмотреть, как ты — и сразу назад, — она удивленно взглянула на сына и спросила: — Куда ты собрался на ночь глядя?

— Я тоже на минутку, задание по математике узнать. — Антон не знал, говорить про Буля или нет.

— А почему в куртке? Пальто бережешь?

— А я свитер надену.

— Ладно, — мама удрученно махнула рукой. — Называется, взглянула на любимого сына в пятиминутный перерыв. Я бегу назад, а ты быстро сходи за заданием.

Антон подождал, пока мама пройдет через двор, и лишь потом вышел на лестницу.

Едва он появился на улице, как его пронзил ветер, выдул все домашнее тепло.

Чтобы добежать до Буля, надо было пригнуться, почти лечь на этот ветер, а ветер не давал дышать.

За забором было чуть тише и теплей. Они с Булем так и походили здесь, у самой парадной. Пять шагов в одну сторону, пять — в другую. А потом Антон побежал домой.

Утром у него заболела голова.

Снова у Буля

Утром Катя вместе с отцом готовила завтрак. Точнее, папа готовил, а Катя накрывала на стол. Завтрак был всегда простой. Или творог со сметаной, или яичница, или яички в «мешочек», или просто бутерброды с колбасой да чай.

Потом Катя мыла посуду, а папа, поцеловав ее в лоб, убежал в свою школу. На днях он должен был перейти в другую школу, поближе. В той, старой, его долго уговаривали остаться, но он нашел им своего хорошего друга, учителя.

После ухода папы Катя еще минут двадцать сидела у пианино, дважды повторила новую сонатину, а потом тоже собралась уходить.

Время у нее было рассчитано точно по минутам. До школы идти быстрым шагом пятнадцать минут, да раздеться три-четыре. Ровно без пяти она входила в класс.

В этот день у нее было шесть уроков, и времени после обычной школы у нее хватало только на дорогу до музыкальной — обедать было некогда.

Папа почти каждый день повторял, чтобы она брала с собой маленький термос и бутерброды. Но Катя стеснялась. Где она их станет жевать? В коридоре перед дверью в музыкальный класс?

После музыки Катя ехала домой усталая.

А еще надо было пообедать, убрать со стола, купить продукты по папиному списку, повторить все, что играла она в школе, чтобы не забыть замечания учительницы, потом сесть за уроки. И так неудачно получалось, что в этот же день в полседьмого приходила учительница французского языка. Она жила в их доме и была уже пенсионерка. Она и папу когда-то учила языку, а теперь бесплатно учит всех желающих детей в доме. В этом году желающих осталось лишь двое — она да восьмиклассница Ира. Остальные переехали в новые районы.

И когда Катя проводила до дверей учительницу французского языка, на ее «Бон шанс, Катрин!», ответила: «Оревуар, мадам!», потянуло вдруг Катю снова в тот огороженный дом взглянуть на собаку.

Как и вчера, она боролась с этой тягой. Взяла было книгу, но чтение не шло в голову. Наконец она сделала бутерброд с колбасой, завернула его и отправилась к тому дому.

Ветер, дувший со вчерашнего вечера, стал наконец стихать.

Сначала Катя походила около забора — боялась, вдруг сейчас вылезет из дыры прямо на нее Антон. Но все было спокойно. Уже начинало темнеть и входить в дом надо было быстрее. Наконец она осмелилась.

По лестнице Катя поднималась на цыпочках. Она была готова к тому, что в любую минуту хлопнет дверь наверху — квартирная, или внизу — уличная. Даже вздрогнула однажды, когда ей послышался какой-то скрип. Но это скрипело полуоткрытое окно на улицу.

Дверь была, как и все эти дни, привязана. Катя отвязала веревку. Ей показалось, что голос у Буля был особенно нетерпеливым.

И точно — сеттер прыгнул ей навстречу, почти выхватил из рук бутерброд, бумага, в которую он был завернут, при этом упала, а Буль сразу съел его.

— Песик, песик, — Катя гладила сеттера по спине и, как вчера, жалела, что не знает его имени.

А сеттер повел себя странно.

Он подбежал к лестничной двери и словно стал звать ее гулять.

Катя не знала, что и делать.

— Ну что ты, песик, — попробовала она успокоить сеттера.

Но сеттер отбежал от двери, схватил зубами ошейник с поводком, поднес к Кате и снова показал на дверь.

Катя колебалась еще с полминуты, но сеттер так настойчиво звал ее на улицу, что она послушалась.

Внизу сеттер уверенно подвел ее к заборной дыре.

«Бедный, наверно, он и не гулял с тобой сегодня», — подумала Катя.

В мыслях она не называла Антона по имени, а только «он».

Сеттер, потоптавшись у заборной дыры, стал вынюхивать след, а потом, низко пригибая голову, повел Катю к Колокольной улице, перешел мостовую, потянул к пряничному дому. Катя еще на минуту раньше догадалась, что Буль ведет ее по следу Антона.

И вдруг прямо на них налетел папа.

— Интересно! — сказал он и уставился на сеттера, а потом осторожно погладил его. — Как зовут?

— Не знаю, — сказала Катя и почувствовала, что попала в такую историю, из которой можно выпутаться, рассказав лишь правду.

— Чей же это такой красивый?

— Так, одного мальчишки.

— Имени мальчишки ты, видимо, тоже не знаешь, — пошутил папа.

Он оказался почти прав. Только имя-то у Антона она и знала, а больше ничего.

Если бы они сейчас оглянулись кругом, то чуть в стороне у соседнего дома они бы заметили другого мальчишку. Мальчишка делал вид, что рассматривает что-то под ногами на асфальте. На самом же деле он внимательно вслушивался в каждое слово из разговора отца и дочери. Это был Коля Кудлаев.

Он уже давно, как только вышел из булочной со свежим батонном, заметил, что с собакой Антона гуляет какая-то девчонка. При этом девчонка и собака шли к Антонову дому.

«Интересно, — подумал Коля, — мог бы и меня попросить погулять, если заболел, а он, значит, девчонку». Еще больше удивил разговор девчонки с отцом. И едва они повернули назад от дома, как Коля, не боясь, что батон в руках остынет совсем, заторопился к Антону сам.

А Катя повела сеттера назад к забору. Сеттер в первые секунды слушался неохотно, но потом подчинился. Вместе с папой они пролезли в дыру, отвели сеттера по лестнице вверх в квартиру.

В квартире, как и на лестнице, было едва светло, свет падал только от уличных фонарей.

— Забавное жилище, — проговорил папа, изучив квартиру с помощью спичек.

Папа помолчал, а Катя подумала о том, как здорово иметь такого отца, который все понимает и ему поэтому можно доверить многие секреты.

— Я тебе, знаешь, что советую, — папа снова задумался. — Я тебе советую, если ты так хочешь навещать этого симпатичного пса, ходить сюда не одной, а вдвоем. Вместе со мной, например. Мне будет и спокойнее и веселее.

Катя молча согласилась.

Вместе они завязали дверь и вместе спустились.

Навестить больного

С батоном в руке Коля Кудлаев пришел к Антону.

Антон лежал на своем диванчике под одеялом. Мама его как раз вышла к соседям.

— Ты что, заболел, что ли? — удивился Коля Кудлаев. — А я думал — и чего тебя нет? Мы сегодня контрольную писали по математике, трудная! Жалко, что тебя не было. Я два уравнения неправильно решил, а ты был бы — подсказал мне.

Антон всегда помогал Коле по математике.

— А ты что, болеешь? — снова спросил Коля.

— Болею, — Антон ждал Колиного прихода весь вечер. Ведь днем Буля никто не кормил и не выводил. У мамы как раз был отгул. И она, как померила температуру, как ахнула, так и осталась сидеть дома с сыном на весь день. И выйти при ней из дома было невозможно. Поэтому оставалось ждать Колю Кудлаева, чтобы рассказать ему, наконец, тайну о Буле.

Коля снял свое новое пальто и повесил у стены за шкафом, где висела уличная одежда Антона и его мамы.

— А я твою собаку сейчас видел на улице, — похвастал он.

И тут вошла мама Антона.

— Коля пришел! Здравствуй, Коля! — обрадовалась мама. — Видишь, Антон заболел... Так кого ты сейчас видел?

Коля хотел повторить, что собаку он видел, но наткнулся на страшный взгляд Антона. Антон смотрел нахмуренно и изо всех сил мотал головой, заставляя Колю молчать.

И Коля сообразил.

— Да собаку, говорю, видел, она вместе с кошками гуляет.

— С кошками? — удивилась мама.

— С кошками и... котятами. Кошки котят вывели погулять, а собака их охраняет.

Коля и сам понял, что сказал несусветную чушь. Он подошел к вешалке и быстрее стал одеваться, чтобы не запутаться и не наговорить лишнего. Да и мало ли какие еще тайны могли быть у Антона сегодня.

Мама пошла Колю проводить до лестничной двери.

— А температура-то у него какая? — спросил Коля уже с площадки. Он заподозрил, что и болезнь — тоже Антонова выдумка.

— Температура высокая, — мама вздохнула, — тридцать девять и две температура.

Записка

На следующее утро Катя вышла из дома минут на десять раньше, чем обычно. Ей было не по дороге, но она пошла мимо дома, где жил сеттер. И вдруг увидела их обоих — и сеттера и Антона.

Они медленно шли вдоль улицы, а потом Антон присел на высокое каменное крыльцо и положил ладони на виски. Он посидел так довольно долго, наконец встал и медленно пошел дальше. Но на следующем крыльце он снова присел.

— Заболел! — поняла Катя.

Теперь ей стало ясно, почему сеттер вчера был голодным и просился на улицу.

Катя могла бы, наверно, догнать сейчас Антона и сказать, чтобы он спокойно шел домой. Сказать, что она сама может гулять с сеттером все дни, пока Антон выздоравливает. И потом, в следующие дни — тоже готова гулять с удовольствием. Но вдруг в ответ на эти слова Антон посмотрит на нее презрительно и скажет что-нибудь обидное. Катя, наверно бы, умерла после такого позора.

Катя отвернулась и заторопилась в школу.

Но уже на первом уроке она придумала записку для Антона. И не только придумала, а даже написала ее. Причем, писала дважды, потому что сначала написала так:

«Уважаемый Антон!»

Но это обращение показалось ей нелепым, и она переписала все на новый листок.

«Мальчик!

Болей, пожалуйста, спокойно и не выходи из дома. За твоей собакой мы будем ухаживать.

Твои друзья».

Потом Катя приписала вопрос:

«Скажи, пожалуйста, как ее зовут? (твою собаку)».

Эту записку она отнесла сразу после школы, не заходя домой, и приколотла ее кнопкой к стене над местом, где стояла миска сеттера.

Ответ

Днем голова у Антона болела так же, как и утром. И температура была вчерашняя — тридцать девять и две. Мама оставила лекарства, еду и уже давно была на работе.

После утренней прогулки с Булем Антону стало совсем плохо. Но и сейчас, днем, надо было обязательно навестить Буля.

Антон встал с постели, и его качнуло. Но он все-таки оделся, достал из холодильника еду, которую оставила для него мама — гречневую кашу и сосиски. Суп он решил съесть сам, а кашу с сосисками переложил в полиэтиленовый пакет. Затем налил, как обычно, воду в бутылку и пошел на улицу.

Идти по улице было ему тяжело. От каждого собственного шага в голове ударяла боль, и он старался нести свою голову осторожно.

Теперь он думал, что зря никому в классе не сказал о сеттере. И главное, Коле Кудлаеву. Сейчас помог бы ему. А теперь уже поздно...

По лестнице Антон поднимался с трудом. И уж совсем глупо: ему было никак не развязать веревку, руки плохо слушались, и конец веревки крепко затянулся. Все-таки он развязал, вошел к Булю, покормил его, погладил. Буль почувствовал еще утром, что хозяину плохо, у него даже у самого вид стал грустным. Антон совсем не представлял, как они пойдут сейчас гулять. А идти надо было. Вечером могла прийти домой мама, и тогда выйти на улицу будет невозможно.

И когда Антон повернулся, чтобы взять поводок с ошейником, он наткнулся на записку. Как он ее сразу не увидел — было непонятно!

Сначала он страшно испугался. И лишь когда прочитал второй раз, понял смысл. В записке ясно же было сказано: «твои друзья».

На полу во второй комнате Антон уже давно видел огрызок карандаша. Сейчас он поднял его и написал на том же листке:

«Мою собаку зовут Буль. Я буду болеть три дня. А за еду потом заплачу, сколько она стоит».

Он еще подумал, подписываться или нет. И решил подписаться:

«Антон Иванов. Если что, мой домашний адрес такой: Колокольная улица, дом 11, квартира 16. Иванову Антону».

Он повесил ответ туда же, в последний раз погладил Буля и пошел, домой.

Дома он проглотил таблетки, съел суп и лег в постель.

А вечером мама из почтового ящика вынула конверт. На конверте, кроме адреса было указано: «Иванову Антону (лично)».

А внутри была такая записка:

«С Булем мы погуляли и его покормили. Он передает тебе привет. Ты болей, сколько надо. А про деньги не думай».

К. и П.»

Антон прочитал записку, вложил назад в конверт, спрятал под подушку и спокойно заснул.

Братья Константин и Павел

Катя, когда писала эту записку, долго сомневалась, как подписаться. Можно, конечно, «Катя и Сергей Васильевич». Но Антона такая подпись могла бы испугать, Катя это понимала. И тогда она решила засекретиться, вместо «Катя и папа», поставила лишь буквы.

Три следующих дня Катя выходила из дома раньше обычного, выводила Буля на прогулку, угощала бутербродами, а потом бежала в школу. Вечером они вместе с папой кормили сеттера как следует и снова гуляли. Буль радостно встречал их. И неизвестно, как он, а Катя к такой жизни успела привыкнуть, ей эта жизнь нравилась и отвыкать от нее не хотелось.

...У Антона все эти дни держалась высокая температура. Каждое утро, встряхивая градусник, мама корила себя одним и тем же: что же это она — думает лишь о чужих больных, а своего родного ребенка, единственного сына, так запустила. Бросает на весь день одного, без ухода и доброго слова.

«Вон и складной диванчик ему уже мал, — думала мама, — хоть и называется этот диванчик подростковым, а приходится на нем спать, подогнув ноги. А я и не замечала этого». Она уходила по утрам в больницу и все думала: «Как он там ест, регулярно ли пьет таблетки, хорошо ли укрывается одеялом, не ходит ли босиком по полу».

Антон много о чем думал во время своей болезни. Главные его мысли были о Буле. И, конечно, хотелось ему разгадать, что за друзья подписываются буквами «К. и П.». Записки приходили ему каждый вечер и под каждой стояла эта подпись.

«Наверно, Константин и Павел, — думал Антон. — Два брата».

Он уже понимал, что такая жизнь для Буля, которую он устроил — весь день в пустом холодном доме — не годится. Да ведь Антон и прежде считал ее временной.

И теперь он решил, что если братья К. и П. попросят перевести сеттера в их квартиру, Антон не откажет им. Они будут гулять с сеттером вдвоем и вдвоем кормить его.

Антон решил, что как только вылечится, сразу придет к Булю и оставит записку с предложением встретиться и все обсудить.

Он уже и записку придумал:

«Большое спасибо за Буля. Жду вас в этой комнате завтра в семь вечера».

Встреча

Наконец температура у Антона спала. И хотя мама не разрешала ему выходить из дому, едва она сама пошла на вечернее дежурство в «Скорую помощь», как Антон собрался к Булю.

На улице темнело, воздух был тихий и влажный.

Антон поднялся по лестнице к двери и вдруг увидел, что она не привязана, а веревка висит на ручке.

Он распахнул дверь уже в испуге, и никто не бросился ему навстречу.

Буля в квартире не было.

«Обманули! — подумал Антон. — Притворились, а сами украли. Наверно, давно украли, а записки писали, чтобы я из дома не вышел».

Он выскочил было на лестницу, но потом решил вернуться в квартиру, чтобы все окончательно выяснить.

Поводка и ошейника на подоконнике не было. Но зато миска, наполненная свежей водой, стояла на своем обычном месте. Пол вокруг был подметен, а в углу стоял веник. Вряд ли воры стали бы наполнять миску водой и приносить веник, подметать пол.

Антону стало спокойнее. Скорей всего, братья не обманывали его, а просто как раз сейчас гуляют где-то с сеттером.

Он прикрепил к стене записку с приглашением встретиться и пошел на улицу.

Можно было подождать и в квартире, но Антон не мог ждать. Он вылез через дыру и стал высматривать прохожих — нет ли где сеттера. Он пошел медленно по тротуару, часто оглядываясь. На углу неожиданно прямо на него наткнулись та самая девочка Катя и высокий мужчина. А между ними шел Буль! Катя зажала поводок в правой руке, и Буль спокойно держался у ее ног.

Но тут Буль дернулся, бросился к Антону, сбил шапку и принялся лизать его щеки.

Катя остановилась рядом и стала улыбаться, и высокий мужчина улыбнулся, а потом сказал:

— Вот и встретились. Здравствуй, Антон!

Союз дружбы

В первые минуты Антон молчал. Катя и Сергей Васильевич тоже молчали.

«Разговаривал» один Буль. Он то снова прыгал вокруг Антона, то обращался к Кате, как бы желая их познакомить.

— Отойдем к стене, — предложил мужчина.

И они отошли. А потом медленно направились к огороженному дому.

— Хороший у тебя сеттер. Я все детство мечтал о таком. Тебе его подарил кто-нибудь? — спросил Катин папа.

И тут Антон про все рассказал. Никому не рассказывал, а почти незнакомому человеку открылся. Да еще и Катя слушала. И как ездил на дачу к Булю, и почему у себя его не поселил.

— Где же ты деньги берешь на прокормление пса? — спросил Катин отец удивленно. — По виду тебя миллионером назвать трудно. Когда в твоём возрасте у моего друга такая

примерно жила овчарка, она съела у нас все — фонарик, фотоаппарат и даже пальто.

Антон лишь кивнул, грустно улыбнувшись.

И тут Сергей Васильевич сам подошел к главному. Антон даже сжался, даже руки задрожали от волнения, когда начался об этом разговор.

— Я вижу, ты человек, которому можно доверять. Нам с Катей тоже можно верить. Правда, Катя?

Катя серьезно согласилась:

— Правда.

— Я предлагаю тебе союз дружбы. Пусть твой Буль живет в нашей квартире, у нас места хватит. А ты будешь приходить всегда, когда сможешь и сколько угодно гулять с ним. Хочешь — и с нами вместе, хочешь — один. Когда как получится. Сеттеру только лучше будет от частых прогулок. А в этом доме, — они как раз подошли к огороженному дому, — сам понимаешь — условия жизни даже не собачьи. Ты не спеши, ты подумай.

— Я согласен, — ответил Антон.

— Тогда пошли к нам в гости, — предложил Сергей Васильевич.

Фотографии

Никогда в жизни Антон не ел таких вкусных котлет. А про суп, который они сделали втроем за пятнадцать минут, он и не слышал прежде. Не знал, что такие супы бывают. Сергей Васильевич назвал его «Гость на пороге», а вообще-то это был старинный таджикский суп. Сергей Васильевич сказал, что его готовили еще во времена великих людей: Авиценны, Бируни и Омара Хайяма.

— А варили его тогда в каменной посуде, — добавил он.

— Мы каждое воскресенье едим новый суп, — сказала Катя, когда Сергей Васильевич вышел из кухни на минутку к телефону. — Папа собирает рецепты старинных супов разных народов.

Антону поручили чистить луковицу на кухне, а потом взбалтывать яйца в большом бокале.

Иногда к дверям подходил Буль и удивленно смотрел на них.

Буля сразу поместили в большой прихожей. Катя принесла ему мягкий коврик, и Антон скомандовал:

— Место!

Буль с удовольствием улегся на коврик и стал следить глазами одновременно за всеми людьми.

— Я-то боялся, что ему будет у нас непривычно, а он лег так, будто всегда здесь спал, — засмеялся Сергей Васильевич. — Ты знаешь, прежний хозяин был умелым дрессировщиком и очень хорошим, уравновешенным человеком. Ведь собака почти всегда перенимает характер того, кто ее воспитывает.

На стенах в коридоре и комнате висели большие фотографии. Антон сразу заметил их, как вошел в квартиру, только сначала стеснялся рассматривать. На фотографиях был один и тот же сюжет — восход солнца. Только происходил восход в разных местах. Здесь была и Нева, с отражающимся на волнах шпилем Петропавловки, и была лесная поляна, где солнце просвечивало сквозь деревья, и были еще озеро, асфальтовая дорога, старинная церковь, лошади, пасущиеся в поле — а солнце играло на их спинах.

Теперь, после общей работы и особенно после обеда, Антону стало проще, и он начал рассматривать фотографии.

— Их тоже папа делал, — объяснила Катя. — Фотографией он в молодости увлекался. — И Катя принесла Антону несколько тяжелых альбомов.

Вошел в комнату сам Сергей Васильевич.

— Если тебя устраивает жилище для Буля, то вот ключи от квартиры: их тут два, но мы обычно закрываем на один, на стальной.

Антон вместе с Сергеем Васильевичем попробовал, как работает ключ в замке, а потом Сергей Васильевич сказал:

— Завтра у Кати музыка, она приходит часов в пять. Я тоже задержусь. Так что, если сможешь, приходи сразу из школы. А про еду, пожалуйста, не думай: у нас с Катериной гора еды остается каждый день. Можно слона содержать, не только сеттера.

Антон вышел на лестницу, и Буль немедленно выскочил следом.

— Иди на место, Буль, — сказал ему Антон, — это тоже твои хозяева.

Буль вернулся на подстилку, а Катя присела около него и стала гладить.

Весь вечер Антон представлял, как станут они теперь вместе с Катей ухаживать за Булем. Или поедут, например, в воскресенье в лес.

Это было удивительно: все, о чем он думал в это лето, получилось вдруг само собой, за несколько часов.

Иногда, когда Антон видел особенного человека, очень сильного или очень доброго и веселого, он думал: «Мне бы таким стать».

И сейчас, в этот вечер, он хотел быть точно таким, как Сергей Васильевич. Хорошо тем, кому везет с отцами.

Он уже спал, когда пришла мама, только проснулся на секунду, но она проговорила шепотом:

— Спи, спи!

Он и заснул снова.

Учитель географии

— Пришел наконец! — сказал Коля Кудлаев, когда Антон вошел в класс в первый день после болезни. — А я твою собаку каждый день вижу, с девчонкой и с каким-то дядькой. Ты чего мне тогда не дал об этом сказать?

— Я от мамы скрывал, — сознался Антон. Но сознался он лишь наполовину, потому что не стал объяснять ничего про Буля.

— Ты что, с этой девчонкой знаком? — стал допытываться Коля.

— Мы с ней дружим, — сказал Антон коротко. — И с ее отцом тоже.

Коля посмотрел на Антона удивленно и уважительно. Пока еще никто в их классе с девочками не дружил, даже если сидел с ними за партой.

— А Федор Степанович на пенсию уходит, — стал рассказывать он классные новости.

Это Антона расстроило, потому что Антон любил географию больше всех предметов. А Федор Степанович часто читал им на уроках записки знаменитых путешественников. И если звонок прерывал чтение, класс был готов остаться после уроков, чтобы дослушать.

— А кто вместо него будет?

— Не знаю. Говорят, студентка какая-то, практикантка.

На первом уроке была математика и оказалось, что Антон сам по учебнику в своей комнате прошел даже дальше, чем в классе. Он помог Коле решить уравнение и задачу в самостоятельной работе, и тот даже вздохнул с завистью:

— Везет тебе, ты способный, — Коля снова вздохнул и добавил: — А я зато к рисованию способный.

Рисовать Антон не умел вовсе, и с Колей он согласился.

На перемене они гуляли с Колей около лестницы, и вдруг в дальнем конце коридора Антон увидел Сергея Васильевича.

Сергей Васильевич шел по коридору. Он подошел к директорскому кабинету и скрылся за дверью.

Только что все было спокойно и хорошо, а теперь стало — хуже не придумаешь.

Страшных мыслей было множество.

Может быть, Сергей Васильевич пришел, чтобы рассказать о Буле. Или вдруг ночью Катину квартиру обокрали воры.

Антон не понимал, о чем Коля говорит.

Но тут из кабинета вышли директор, Сергей Васильевич и старый учитель географии. Они о чем-то весело разговаривали. И Антон подумал, что наказывать можно и с веселым лицом.

Он убежал в свой класс и сделал вид, что читает на своем месте очень важное. Оставалась еще крошечная надежда, что они пройдут мимо класса, что у них просто есть общие дела.

Но дверь распахнулась, и вошел директор. С ним вошли старый учитель географии и Сергей Васильевич.

Сергей Васильевич весело осматривал всех, кто стоял около парт. Антон наткнулся на его взгляд, но Сергей Васильевич лишь подмигнул ему почти незаметно и перевел глаза.

И в это время бывший учитель сказал:

— Здравствуйте, дети. Через несколько минут я с вами попрощаюсь совсем, а пока представляю вам вашего нового учителя географии Сергея Васильевича. Сергей Васильевич когда-то учился в нашей школе и был моим учеником. Уверен, что вы полюбите друг друга.

Старый учитель поклонился классу, и они вместе с директором вышли в коридор.

— Прошу садиться, — проговорил Сергей Васильевич и достал из портфеля книгу знаменитого полярного исследователя Нансена.

— На каком месте вы остановились в прошлый урок? — спросил он. — После опроса я хочу почитать вам эту книгу дальше.

После уроков

— Так это же твой знакомый, с которым вы гуляли! — удивился Коля Кудлаев.

И всю перемену он только это и повторял.

А после уроков Антон подошел к Катинной квартире и стал открывать дверь ключом.

Вниз по лестнице кто-то бежал. Антон испугался, вдруг подумают, что он лезет в чужую квартиру.

Но человек, который спускался вниз, на него даже не посмотрел.

Антон прошелся с Булем, минут пятнадцать гулял с ним в садике, а потом привел его назад в квартиру и как следует захлопнул дверь. Конечно, в квартире жить Булю было намного лучше.

А когда Антон подошел к огороженному дому, у него чуть не произошла странная встреча. Он вдруг увидел, что в дырку через забор пролезает веселый небритый человек. В руке у небритого была веревка.

Антон встал у дома напротив, чтобы посмотреть, зачем полез в дыру небритый.

— Ты кого тут выглядываешь? — спросил его Коля Кудлаев.

Его как раз послали родители за очередным батоном.

— Да так, человека одного.

— Чего-то у тебя много тайн появилось! — обиделся Коля и пошел к площади в булочную.

Но только он отошел, как к Антону приблизился милицейский сержант Петренко.

— Горло не болит? — спросил сержант. — Не кашляешь? Ты смотри, много по улице не гуляй. Мама твоя мне говорила, ты болел?

Антон хотел ответить, но сержант неожиданно отвернулся от Антона и стал смотреть в сторону огороженного дома.

А смотрел он на веселого небритого, который показался в дыре.

— Не нравится он мне, — сказал сержант Антону. — Я его часто стал встречать на этих улицах.

Сержант подошел к прохожему и громко спросил:

— Гражданин, вы что в этом доме потеряли? Или вы здесь жили?

— Я-то? Да, я здесь жил, — согласился небритый.

— Нет, гражданин, вы здесь не жили, — серьезно ответил сержант Петренко. — Я здешних жильцов знаю всех — по именам и фамилиям.

— Да я случайно, я тут собачку ищу, рыженькая такая. Говорят, один мальчишка ее тут держал, в пустом доме. У меня стащил и спрятал...

— Никакие мальчишки собак в этом доме не прячут, — строго сказал сержант. И он был прав, потому что Буль жил теперь у Кати и Сергея Васильевича.

Конечно, Антон мог бы поправить милицейского сержанта. Но промолчал.

Мама и Катя

Вечером Антон гулял вместе с Катей и Булем. Сергей Васильевич остался дома готовиться к завтрашним урокам.

С Катей разговаривать было легко.

— Ты какое мороженое любишь? — спрашивал Антон.

— С орехами и шоколадное.

— И я тоже! — удивлялся он.

— А ты рисовать хорошо умеешь? — спрашивала Катя.

— Совсем плохо.

— И я тоже! — смеялась Катя. — Фотографировать научилась, а рисовать не умею.

— Я фотографировать тоже люблю, — говорил Антон.

— Я знаю, — отвечала Катя, — я тебя видела, как ты на крыше троллейбуса ехал.

Они вспомнили этот случай и стали хохотать.

И тут на них наткнулась мама Антона.

— Вот ты где! — сказала она тоже весело. — А у меня последнее дежурство кончилось. — Ой, какая симпатичная собака. Здравствуй, девочка, — сказала она Кате. — Очень у вас красивая собака.

Катя тихо, почти шепотом ответила:

— Здравствуйте.

— Я пойду домой, а ты слишком не задерживайся, — сказала мама Антону.

Она улыбнулась Кате и повернулась к дому.

— Это твоя мама? — спросила Катя, медленно выговаривая слова.

Хотя, что тут было спрашивать, и так ясно, что мама.

...Когда Антон вернулся домой, мама стала примерять на нем пальто — она перешла свое старое пальто для Антона.

Он стоял около двери, а мама отошла к окну и просила его медленно поворачиваться.

— Эта девочка с собакой учится в твоём классе? — спросила она так, будто спрашивала о какой-нибудь мелочи.

— Нет, она близко живёт.

— Хорошая девочка.

Гости

Собралась Оля в гости к Кате. Надела новое платье с красным пояском и красными карманчиками на голубом фоне. Очень она себе понравилась в зеркале. Платье делало её взрослее, а лицо и руки казались особенно загорелыми.

Вместе с родителями она прошла сначала через парк Лесотехнической академии, пошуршала желтыми листьями, которые падали на дорожки. А потом сели в троллейбус — прямо до Катиного дома.

Катя открыла им сама, а следом за нею неожиданно просунулась в щель собачья голова.

— Это ещё кто такой? — удивился Олин отец.

— Это Буль, — объяснила Катя.

Буль сел в углу прихожей и стал вежливо радоваться гостям — помахать хвостом и следить, как они раздеваются.

— Такая же собака была на нашей улице! — почти закричала Оля. — Помните, с ней ходил слепой человек.

— И правда, собака — поводырь слепого. Я ещё удивлялась, что у неё красный крест на спине. Я её часто у магазина видела, — согласилась Олина мама.

— Рыжие сеттеры вообще нежно любят хозяев. Это из истории известно, — подтвердил Олин отец.

— Я всегда любовалась, как они шли с тем слепым человеком, собака так оберегала его. А потом куда-то пропала, — вновь проговорила Олина мама.

А Оля вспомнила, что недавно видела точно такую же собаку в электричке с хулиганом,

который вместе с тремя девочками запер ее в доме.

Она вошла в комнату, и вдруг увидела того самого хулигана. Хулиган сидел на стуле у окна и читал книгу.

— Здравствуй, мальчик, — сказала Олина мама.

Хулиган встал и вежливо поздоровался. Вид у него был испуганный, наверно, узнал Олю.

— Это Антон к нам привел Буля, то есть, не привел... — Катя замолчала на несколько секунд, потому что запуталась, — не привел, а это наша общая собака.

— Недавно я читал одну историческую книгу, — проговорил Олин отец, — там говорится об общем слоне. Три семьи в Индии купили себе слона. И в древних племенах собаки тоже принадлежали не одному человеку, а всему племени.

«Что ему тут нужно?» — думала в это время Оля об Антоне.

Она решила обязательно рассказать про все Кате и позвала ее в другую комнату.

— Я его знаю! — зашептала она Кате, кивая на Антона, которого видно было сквозь щель в двери.

— Откуда? — также шепотом спросила Катя.

— Откуда-откуда! Это он меня тогда запер!

— Он?! — удивилась Катя.

— Он, конечно! Я же говорила: три девочки и он. — Оля увидела, что Катя улыбается и совсем рассердилась. — Ты что, с ума сошла, что его в гости позвала. Он же у вас украдет что-нибудь. И эта собака тоже, наверно, краденая. Наверно, он ее у слепого с нашей улицы украл.

— У какого слепого? Ему ее на даче подарили.

— Это он вам так сказал, а сам украл!

— Да ну тебя! — Катя тоже разозлилась.

Оля спорить не стала, только сделала многозначительное лицо: «не веришь, сама убедишься».

А Катя испугалась, вдруг Антон догадается, о чем они шептались за дверью. Но Антон, к счастью, не слышал.

Тут вышел Катин папа с кухни. Он уже полчаса назад крепко закрыл дверь, чтобы кухонные запахи не распространялись по квартире. Папа приготовил мясо по-гамбургски, испек в духовке картошку и поджарил кабачки.

Все это, красиво уложенное, он внес на большущем блюде.

— Пища богов! — засмеялся Олин отец. — Ни у кого в нашем городе не бывает такой роскошной еды.

— Ой, как это готовится? Хоть бы рассказал, — как всегда, попросила Олина мама.

И Катин отец, как всегда, ответил:

— Самые простые продукты и еще кусочек любви.

Все сели за стол. Слева от Оли был Антон. Но она так и не сказала ему ни слова. Он тоже старался не смотреть в ее сторону. Но потом, когда Сергей Васильевич стал показывать фотографии, которые сделал Антон, Оля начала верить Катиным словам, что он не вор и не хулиган. Потому что, зачем вору и хулигану фотографировать пчелу на цветке и каплю росы на лесной паутине.

Но тут настроение ей испортил папа.

— Видишь, Оля, какой способный мальчик. Уже занимается искусством. А тебе бы все телевизор смотреть да детективные повести читать. Даже посуду маме не моешь.

Кому приятно, когда тебя так принижают в присутствии других людей. Поэтому настроение у Оли снова стало плохим.

Антон ушел раньше нее. Он сказал, что скоро мама вернется из больницы, и к ее приходу надо согреть чай.

Надо, так надо

Вечером, когда Катя и Сергей Васильевич остались одни, Катя рассказала ему половину того, что говорила Оля. Про Антона Катя, конечно, не говорила. Зачем повторять глупости. А про слепого человека и про то, что у него прежде была точно такая же собака, — рассказала.

— Катя, так возможно, у этого человека Буля просто украли или он потерялся как-нибудь, — разволновался папа. — Это надо узнать, Катя.

Катя и сама так думала. Конечно, не очень-то хотелось расставаться с Булем. Но с другой стороны, что они — укрыватели краденого, что ли?

— Надо повесить объявления на этой самой улице Пархоменко, — сказал папа.

Утром, когда Антон пришел, как всегда, гулять с Булем, Катя вышла вместе с ним.

У Антона в лице все изменилось, когда она стала говорить ему про слепого человека. Кате и самой, едва она начинала думать, что вдруг Буля придется вернуть, ей и самой плакать хотелось. Особенно сейчас, во время разговора с Антоном.

Но Антон — молодец. Сначала он сел на каменную тумбу около подворотни и сидел так, глядя в землю и прижимая Буля. Но потом поднялся и проговорил:

— Надо, так надо. Когда поедем объявление вешать?

— Ты подожди, мы еще не придумали, как его написать. И ведь их несколько штук надо.

— Давай, придумаем, — сказал Антон пустым голосом. — Давай.

И тут он не выдержал, всхлипнул, оставил поводок Кате и побежал в подворотню.

Катя ходила несколько минут около этой подворотни. Она считала, что лучше не бежать следом за Антоном. И правильно — Антон скоро вышел оттуда и, стараясь казаться веселым, проговорил:

— Пошли быстрее к тебе. А объявление можно в стихах написать: «У кого однажды сеттер потерялся, словно ветер?»

Стихи были не очень складные, и Катя грустно улыбнулась.

Объявление

«Тот, кто хочет узнать о рыжем сеттере по имени Буль, может позвонить по телефону 2–12–36–98».

Такие объявления висели на улице Пархоменко в разных местах, на столбах и стенах.

Антон составил их сам, а ездили наклеивать они вместе с Катей.

На этой улице дома стояли, словно в лесу — среди старых кленов, берез и лиственниц. Катя сказала, что когда-то здесь были парки и дачи, а потом, когда строили здания и прокладывали улицы, деревья сберегли. По одной лиственнице на высоте третьего этажа даже белка прыгала, и на нее никто особенно не смотрел, потому что все привыкли. Только вдруг из окна просунулась чья-то рука, белка подскочила к ладони, взяла орех и унесла его на другую ветку, там она присела и начала есть, придерживая передними лапами.

— В хорошем районе Оля живет, правда? — сказала Катя. — Я бы здесь тоже хотела жить.

— У вас дом тоже красивый, — ответил Антон.

И Катя с ним согласилась.

Телефонные звонки начались в тот же вечер.

— Здравствуйте, — заговорил мужской голос. — У меня пропала собачка Пусик. Маленькая, веселая, вся белая и лохматая. О ней вы ничего не знаете?

— Бюро собачьих услуг? — спросила женщина. — Я хочу помыть свою овчарку, а она не дается. Не могли бы вы помочь?

Последний звонок был в два часа ночи.

— Я вот сейчас ваше объявление прочитал, — сказал басом человек, — и подумал, что этого Буля вы, наверно, около магазина подобрали. А рядом с Булем вы продуктовой сумки не обнаружили? Там арбуз был и два рубля денег...

Катя всем вежливо отвечала: «Не слышали. Собак не моем. Сумку не находили».

Звонки продолжались и следующие несколько дней. Но про самого Буля никто не спрашивал.

Последнее испытание

За всю неделю так никто и не спросил о Буле по телефону.

Олины родители пытались узнать адрес слепого человека, но человека этого никто уже на улицах не видел и точный адрес назвать не могли.

И тогда Сергей Васильевич предложил последнее испытание.

— Удивляюсь, почему это раньше не пришло нам в голову! — сказал он.

Если Буль раньше жил у слепого человека и был его поводырем, то он должен помнить и улицу и дом, в котором жил. Не узнает Буль улицу и дом, значит Оля напутала и можно жить дальше спокойно.

Честным быть трудно. Так хотелось Антону сказать все эти дни: «Моя это собака, мне ее подарили, и никому я ее не отдам».

Видимо, Сергей Васильевич почувствовал настроение Антона. Ему ведь и самому не очень-то весело было думать о расставании с Булем.

— Смотри, Антон, еще не поздно. Буля ведь ты можешь считать и своим. Если не захочешь — завтра можем не ехать на испытание.

Но Антон понимал — откажется ехать, уважать его перестанут и Сергей Васильевич, и Катя. И сам он себя уважать не будет. Одно дело — подарили тебе собаку, другое — передали краденую.

Утром они сели на кольце двадцатого трамвая. На Буля, как положено, надели намордник. Он терпеливо сел на резиновый пол рядом с сиденьем и спокойно ехал всю дорогу.

— Удивительное дело, — сказал Сергей Васильевич, — я уже давно заметил: стоит любую самую злую собаку посадить в трамвай, где много людей, как она смущается и становится робкой.

Остановка называлась — улица Пархоменко.

— Пройдем вдоль улицы, туда и обратно, и посмотрим, как поведет себя Буль.

Сначала Буль вел себя никак. Он спокойно шел рядом, иногда приостанавливался на мгновение, нюхал столбик и двигался дальше.

— Видишь, а ты боялся, — решила успокоить Антона Катя. — Я же говорила, что Оля напутала.

И Антон тоже стал успокаиваться.

Но вдруг Буль подобрался весь и повел Сергея Васильевича на другую сторону. Причем, переходить улицу он стал на перекрестке и по правилам: присел на секунду, оглянулся по сторонам и пошел.

Теперь уже он не брел рядом, а уверенно вел людей к какому-то лишь одному ему известному месту.

Они проходили мимо магазина. Буль приостановился около двери, вопросительно посмотрел на Антона и Сергея Васильевича.

— Вперед, Буль, вперед, — сказал Антон.

Он сказал это твердым голосом, а на самом деле плакать хотелось.

Буль повел их дальше. У газетного киоска он снова остановился, а потом опять подвел к перекрестку и перешел на другую сторону.

Антон шел следом молча. Сергей Васильевич и Катя тоже не разговаривали.

«Хоть бы он переехал! Или бы ему сделали операцию, он бы прозрел, и собака стала бы ему ни к чему!» — думал Антон.

Буль обошел длинный девятиэтажный дом, остановился у дверей парадной, а потом подвел своих хозяев к квартире номер один на первом этаже.

Там он сел и дважды провел лапой по двери.

— Будем звонить, — сказал Сергей Васильевич и нажал на кнопку.

Сначала в квартире было тихо, потом слышались неторопливые шаги и мужской голос:

— Сейчас, одну минуту, я вам открою.

Замок щелкнул, дверь приоткрылась, и Антон увидел пожилого крепкого человека в черных очках.

Буль все эти минуты нетерпеливо переступал с ноги на ногу, а увидев человека, бросился к нему, и Антон услышал одновременно и радостный визг, и лай, и даже тихий вой.

Человек в первую минуту отшатнулся, он, конечно, не ожидал ничего такого. А потом крепко прижал собаку к себе.

— Помилуй бог, да неужели это Бой вернулся! — и он сел на стул у дверей в прихожей.

Буль продолжал повизгивать и тыкаться головой в руки пожилого человека в черных очках.

Антон, Катя и Сергей Васильевич стояли по-прежнему в дверях.

Все было ясно.

Пожилой человек поднял голову и проговорил:

— Спасибо вам. К сожалению, я не могу вас увидеть, но это и так ясно, что вы добрые, благородные люди. Мне сказали, что Боя увел от магазина какой-то пьяница. А вы сейчас вернули мне жизнь.

— Его зовут не Бой, а Буль, — не выдержала Катя. У нее мелькнула надежда: а вдруг все-таки человек в очках путает.

— Нет, его зовут Бой. Бой, принеси, пожалуйста, ботинки, надо выйти на улицу, — сказал пожилой человек сеттеру. — Ботинки, Бой!

И сеттер сразу подбежал к ящику для обуви, порылся в нем лапой, а потом поднес хозяину сначала один ботинок, потом другой.

— Эту собаку мне подарили ребята из школы юных дрессировщиков. Он и друг мне и нянька. А укусить не способен никого, даже если ему наступят на хвост или на лапу. Его так выучили: все люди — друзья, и он обязан любить всех.

— Даже воров каких-нибудь? — удивился Антон.

— Да, против вора, который увел Боя от магазина, действительно, он был беззащитен.

Проходите, будьте друзьями, — сказал пожилой человек, — я так обрадовался, что даже не сразу сообразил, что мы стоим в прихожей. Бой, ботинки — место!

И сеттер сразу унес ботинки на старое место.

Прошел месяц

Прошел месяц, и снова жители улицы Пархоменко привыкли к пожилому человеку в черных очках, которого водил красивый рыжий сеттер.

Сеттер уверенно направлялся сначала к магазину, потом к киоску, потом в сквер — посидеть среди отдыхающих пенсионеров. На перекрестках он останавливался и проверял, нет ли машин.

Иногда он с любовью оглядывался на пожилого человека, словно проверяя, здесь ли его хозяин.

Но никто не замечал, что издалека, стараясь не обнаружить себя, за ними часто наблюдал мальчик лет двенадцати, в клетчатом пальто. Чаще мальчик стоял за забором, он ежился от холода, потому что стоял долго — ждал человека с сеттером, а еще потому, что дули уже стальные ноябрьские ветры.

Мальчик боялся показать себя сеттеру — сеттер мог обрадоваться и неожиданно потянуть в его сторону своего пожилого хозяина. Поэтому мальчик и стоял за забором или прятался за столб и грустно смотрел, как уходят от него умная рыжая собака и человек в черных очках.

Потом мальчик медленно, опустив голову, шел к трамвайной остановке и ехал через весь город к своему дому на Колокольной улице.